

МВД России
Санкт-Петербургский университет

А. В. Никуленко

**ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ
ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ**

Научно-практическое пособие

Санкт-Петербург
2018

УДК 343.2
ББК 67.408
Н 65

План 2018, поз. 25

Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: научно-практическое пособие . СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. –88 с.

ISBN 978-5-91837-078-0

В настоящем издании в доступной форме и с учетом сложившейся судебной практики рассматриваются основные положения норм Уголовного кодекса Российской Федерации, касающиеся обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Предназначено для исследователей уголовно-правовой политики и уголовного законодательства России.

УДК 343.2
ББК 67.408

Рецензенты:

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор
(Краснодарский университет МВД России);

Намнясева В.В., кандидат юридических наук, доцент
(Волгоградская академия МВД России)

ISBN 978-5-91837-078-0

© Санкт-Петербургский университет
МВД России, 2018

Оглавление

Введение.....	4
1. Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния	8
2. Необходимая оборона	14
3. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление ...	23
4. Крайняя необходимость.....	29
5. Физическое и психическое принуждение.....	32
6. Обоснованный риск.....	35
7. Исполнение приказа или распоряжения	38
8. Значение института обстоятельств, исключающих преступность деяния, для повышения эффективности деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных ведомств	43
9. Убийство при превышении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние.....	55
10. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление	68
Заключение.....	77
Список нормативных правовых актов и литературы	79

Введение

Обстоятельства, при которых деяние, имеющее внешнее сходство с преступлением, таковым не является и исключает наступление уголовной ответственности, на разных этапах развития Российского государства имели различные определения. В дореволюционном уголовном праве они рассматривались в качестве «уничтожающих преступность деяний», в советский период развития нашего государства – «исключающих общественную опасность деяния», в УК РФ – «обстоятельств, исключающих преступность деяния».

Современный уголовный закон России расширил их круг. Однако в теории имеются иные давно признанные факты, также влекущие освобождение от уголовной ответственности, но не нашедшие отражения в УК РФ в силу установившихся стереотипов и определенного консерватизма законодателя. В частности, речь идет о согласии потерпевшего на причинение вреда, которое нельзя рассматривать лишь с уголовно-процессуальной позиции дел частного обвинения, где привлечение к уголовной ответственности виновного обусловлено заявлением пострадавшего, например, при простом изнасиловании (ч. 1 ст. 131 УК РФ)¹.

Тем не менее согласие потерпевшего на причинение вреда не связано лишь с делами частного обвинения. Как обстоятельство, исключающее преступность деяния, оно понимается более широко, например, применительно к различным видам спорта. В процессе тренировок и соревнований нередко причиняется вред личности, особенно в силовых единоборствах, что влечет возникновение вопроса об их правовых последствиях, правовом урегулировании нарушенных отношений. По нашему мнению, вряд ли можно рассматривать подобные случаи через призму обоснованного риска (ст. 41 УК РФ), который в качестве условия освобождения от уголовной ответственности требует достижения общественно полезной цели. В данном случае лицо, как правило, преследует личные интересы, которые могут сочетаться и с интересами своего региона или страны.

Отсутствие в законе такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, вызывает определенные сложности для правоприменителя, поскольку причиненный вред требует юридической оценки, в результате которой содеянное фактически не признается преступлением. Такая декриминализация причинения вреда здоровью на уровне

¹ Михаль О., Власов Ю. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 53–58.

правоприменителя, по сути, определяет отсутствие общественной опасности деяния, в котором есть все признаки состава преступления, причем на основании субъективного вменения. Тем не менее, в таких ситуациях лицо освобождается от уголовной ответственности.

С другой стороны, в практической деятельности имеются случаи привлечения к уголовной ответственности, которые определяются объективным вменением. Иными словами, тяжесть последствий определяет виновность без вины, то есть имеет место объективное вменение.

Несовершенство современного законодательства в части виновности без вины при причинении равного вреда в состоянии крайней необходимости требует признания того факта, что при устранении опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, следует признать допустимым причинение равного вреда в сравнении с предотвращаемым. Законодатель, называя подобные случаи превышением пределов крайней необходимости, устанавливает наступление уголовной ответственности не за превышение пределов допустимого вреда, а за преступления против личности без смягчающих обстоятельств, поскольку в Особенной части УК РФ имеются лишь две нормы, специально предусматривающие превышение пределов такой допустимости: убийство и тяжкий или средней тяжести вред здоровью, причиненные при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 и 114 УК РФ).

Следует признать, что в уголовном законе отсутствует привилегированная норма, предусматривающая уголовную ответственность не только за превышение пределов крайней необходимости, но и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В советском уголовном праве доминировала точка зрения, согласно которой спасение собственной жизни за счет жизни другого лица нельзя считать крайней необходимостью. Приводился классический пример про альпиниста, перерезавшего трос напарника, упавшего в пропасть, и спасшего от гибели себя и других членов команды, находившихся выше него в связке. За это он был привлечен к уголовной ответственности. Возникает закономерный вопрос: как быть в подобных ситуациях? Будет ли нравственным правовое предписание, требующее в описанном случае отрезания троса самим альпинистом, тянущем всех в пропасть? Или все же допустимо жертвовать одним или несколькими лицами для того, чтобы спасти от гибели еще большее число людей? В данном частном случае вступает в противоречие соотношение категорий морали и права, где, с одной стороны, выступает необходимость самоубийства для спасения других, с другой – привлечение к уголовной

ответственности в случае их гибели. Этот вопрос сложен и неоднозначен. В теории уголовного права эта проблема получила ограниченное рассмотрение и условно названа «коллизия жизней».

На наш взгляд, для решения поставленной задачи необходимо определиться с тем, насколько уголовное право в принципе может влиять на поведение людей в экстремальных ситуациях, когда на одной чаше весов лежит человеческая жизнь, а на другой – возможное уголовное преследование. И. Кант указывал на бессилие закона на примере «пуффендорговой доски», когда кто-то, спасая свою жизнь в результате кораблекрушения, хватается за доску и отталкивает второго, поскольку двоих она не выдержит. Он утверждал, что угроза еще неопределенным злом (т. е. смертной казнью по приговору) не в состоянии перевесить страха перед действительным, неминуемо грозящим.

В подобных случаях человек, как правило, фактически становится существом, обезумевшим от страха. Даже если установить запрет на право сохранять свою жизнь за счет другого, то в абсолютном большинстве случаев все равно будут совершаться действия по спасению собственной жизни. Эти соображения позволили И. Канту назвать крайнюю необходимость «двусмысленным правом»¹. Никакой закон, никогда и ни в каком случае не сможет оказать на лицо, обезумевшее от страха, предполагаемого влияния². Не случайно эволюция таких философских взглядов нашла отражение в УК ФРГ. Нередко крайнюю необходимость в теории немецкого уголовного права называют «извинительной». Она нашла свое отражение в § 34 и § 35 УК ФРГ, в которых установлена допустимость причинения смерти другому человеку ради спасения своей собственной жизни³.

Проблема «коллизии жизней» приобретает еще большее значение при борьбе с терроризмом. Так, в ответ на события 11 сентября 2001 г. в США американские власти публично объявили, что будут сбивать любые самолеты, если их пилоты не отвечают на запросы и не выполняют распоряжений с земли. Вслед за этим и в России был принят закон «О противодействии терроризму», где закреплено положение о том, что если воздушное судно или плавательное средство были захвачены террористами для акта террора, эти лица не подчиняются требованиям о

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. – М., 1966. Т. 4. С. 234, 307 и др.

² Плешаков А.М., Шкабин Г.С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 65.

³ Жалинский А.Э. Институт крайней необходимости в немецком праве // Юридический мир. – 2003. – № 3. – С. 21–23.

посадке или остановке, существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, то Вооруженные силы РФ вправе уничтожить эти средства (ч. 2 ст. 7, ч. 2 ст. 8).

Следует учитывать, что оценочный субъективно-объективный характер вины, когда лицо должно и могло предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, в равной мере распространяется и на институт крайней необходимости. Юридическая оценка действий лица и виновность в состоянии крайней необходимости, когда на одних весах находятся предполагаемый и реально наступивший вред, всегда будут определяться наступившими последствиями. Это связано с тем, что предполагаемые последствия могут и не наступить даже при наличии всех условий, а реально наступившие – вопрос факта.

Следует иметь в виду и то, что различны гражданско-правовые последствия при причинении вреда в состоянии необходимой обороны и при исполнении приказа или распоряжения. На основании ст. 1066 ГК РФ не подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии необходимой обороны, если при этом не были превышены ее пределы. Подобного указания для исполнения приказа или распоряжения в гражданском законодательстве не имеется. В то же время на основании п. 3 ст. 3 федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» не допускается привлечение военнослужащих к материальной ответственности за ущерб, причиненный вследствие исполнения приказа командира (начальника).

Отметим, что в настоящее время российским Верховным судом принято долгожданное постановление, разъясняющее многие вопросы квалификации необходимой обороны и задержания преступника. Можно констатировать, что Верховный суд РФ в очередной раз взял на себя функции законодателя, узаконив, по сути, многие положения¹.

¹ См. подр.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.09.2012 №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

1. Понятие и виды обстоятельств, исключающих преступность деяния

Охрана общественного порядка является одной из основных внутренних функций государства. Среди средств выполнения этой функции особое место занимает пресечение общественно опасных деяний, а также предотвращение грозящей опасности государственным и личным интересам. В процессе устранения такой опасности возможно причинение физического морального и имущественного вреда лицам, со стороны которых исходит опасность господствующим общественным отношениям.

Российское уголовное законодательство называет ряд обстоятельств, при наличии которых действия лица, формально подпадающие под признаки какого-либо преступного деяния, таковыми не являются. Как указывал А.Н. Трайнин, в таких случаях «...действия лица, хотя и носят все внешние черты общественно опасных деяний..., но, тем не менее, не являются социально опасными и тем самым не влекут за собой уголовных санкций»¹.

Уголовная политика, содержанием которой является целенаправленное противодействие преступности, ориентирована не только на совершенствование форм и методов деятельности правоохранительных органов, но и на расширение социальной базы борьбы с преступностью. Эту базу формируют действия граждан по противодействию преступности. Данное направление уголовной политики нашло реальное воплощение в современном уголовном законодательстве, нормы которого направлены на активизацию граждан в сфере противодействия преступности. Об этом свидетельствует структурное изменение норм, исключающих преступность деяния. УК РФ 1996 г. впервые в истории отечественного уголовного законодательства расширил перечень соответствующих обстоятельств, интегрировал их в единый институт и на законодательном уровне закрепил понятие «обстоятельства, исключающие преступность деяния». Принципиальная позиция законодателя, ориентированная на стремление государства включить в антикриминальную деятельность граждан, выразилась в увеличении числа обстоятельств, исключающих преступность деяния, путем отнесения к ним помимо необходимой обороны (ст. 37), задержания лица, совершившего преступление (ст. 38), и возможность неисполнения приказа или распоряжения (ст. 42). Вто-

¹ Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. С. 468.

рую группу обстоятельств, не связанных с противодействием преступности, но позволяющих гражданам отстаивать законные интересы, образуют крайняя необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40) и обоснованный риск (ст. 41).

Прогрессивная тенденция уголовной политики обеспечила возможность законодательного закрепления в качестве абсолютного права необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ). В этом законодательном нововведении реализована конституционная норма (ст. 45 Конституции России), гарантирующая гражданам право защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом. Из института необходимой обороны против опасного для жизни нападения изъят существовавший ранее ограничительный критерий защитных действий, что дает возможность гражданам всеми способами осуществлять самозащиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия.

Для отправления правосудия в нашей стране и строгого соблюдения законности, важное значение имеет правильное решение наукой уголовного права вопроса о понятии и видах обстоятельств, исключающих преступность деяния. Неверное понимание этого вопроса может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности лиц за такие действия, которые лишь с внешней стороны представляются преступными.

В условиях, когда государство не может обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья, чести, достоинства, собственности и других благ законопослушного населения, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам. Эта возможность гарантируется государством за счет включения в уголовный кодекс институтов необходимой обороны, крайней необходимости, правомерного причинения вреда при задержании преступника и других.

Человек наделяется правом на причинение вреда при наличии определенных оснований и соблюдении условий, предусмотренных ст. 37–42 УК РФ. Нормативные положения, содержащиеся в гл. 8 УК РФ, можно отнести к упрямочивающим, поскольку: «...предписания, закрепленные в Общей части УК, наделяют участников уголовно-правовых отношений субъективными правами, ука-

зывают на возможность активного использования предоставленных им дозволений»¹.

Уголовная политика раскрывает содержание деятельности государства в сфере противодействия преступности. Государство, основываясь на конституционных предписаниях (ст. 2, 3, 4, 13, 45 Конституции РФ), осуществляет функцию борьбы с преступностью, которая несет угрозу безопасности личности, обществу, государству. Эта государственная функция осуществляется на конституционной основе уголовно-правовыми средствами. В связи с этим одним из важнейших направлений уголовной политики является создание уголовно-правовой основы, в качестве которой выступает уголовное законодательство. О взаимодействии уголовной политики и уголовного законодательства свидетельствуют труды многих ученых, в которых подчеркнута приоритетность уголовного закона при осуществлении мер уголовно-правового воздействия, направленных на противодействие преступности².

В действующем уголовном законодательстве, составляющем основу уголовной политики, значительно усилено внимание, направленное на защиту прав и законных интересов личности. Законодатель реализовал цель уголовной политики адекватным отражением потребности в защите своих прав при отражении нападения путем внесения изменений и дополнений в институт обстоятельств, исключающих преступность деяния³. Направления уголовной политики нашли свое выражение в нормах данного института в следующем:

1. Уголовная политика, содержанием которой является целенаправленное противодействие преступности, ориентирована не только на совершенствование форм и методов деятельности правоохранительных органов, но и на расширение социальной базы борьбы с преступностью. Эту базу формируют действия граждан по противодей-

¹ Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб., 2002. С. 194.

² Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционные, криминологические, уголовно-правовые и информационные аспекты. – М., 1999; Звечаровский И.Э. Советское уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб., 2001; Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 3; Лесников Г.Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. – СПб., 2005.

³ Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. – 2010. № – 9. – С. 16–18.

ствию преступности. Данное направление уголовной политики нашло реальное воплощение в современном уголовном законодательстве, нормы которого направлены на активизацию граждан в сфере противодействия преступности. Об этом свидетельствует структурное изменение норм, исключаяющих преступность деяния. УК РФ 1996 г. впервые в истории отечественного уголовного законодательства расширил перечень соответствующих обстоятельств, интегрировал их в единый институт и на законодательном уровне закрепил понятие «обстоятельства, исключаяющие преступность деяния». Принципиальная позиция законодателя, ориентированная на стремление государства включить в антикриминальную деятельность граждан, выразилась в увеличении числа обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, путем отнесения к ним помимо необходимой обороны (ст. 37), задержания лица, совершившего преступление (ст. 38), и возможность неисполнения приказа или распоряжения (ст. 42). Вторую группу обстоятельств, не связанных с противодействием преступности, но позволяющих гражданам отстаивать законные интересы, образуют крайняя необходимость (ст. 39), физическое или психическое принуждение (ст. 40) и обоснованный риск (ст. 41).

2. Прогрессивная тенденция уголовной политики обеспечила возможность законодательного закрепления в качестве абсолютного права необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК). В этом законодательном нововведении реализована конституционная норма (ст. 45 Конституции), гарантирующая гражданам право защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом. Из института необходимой обороны против опасного для жизни нападения изъят существовавший ранее ограничительный критерий защитных действий, что дает возможность гражданам всеми способами осуществлять самозащиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия. Об эффективности действия ч. 1 ст. 37 УК РФ в плане защиты жизни личности свидетельствует предоставленное законом право причинять любой вред посягающему.

3. Идея уголовной политики, направленная на совершенствование уголовного законодательства, нашла выражение в исключении ограничительного критерия правомерности действий обороняющегося лица в случае, если нападение было неожиданным и обороняющееся лицо не могло объективно оценить характер и степень общественной опасности посягательства (ч. 2.1 ст. 37 УК). Эта норма спо-

способствует выполнению основной задачи уголовной политики, заключающейся в повышении эффективности рассмотрения уголовных дел, связанных с применением оборонительных действий. Отныне следственные и судебные органы, обеспечивающие реализацию уголовной политики посредством применения уголовно-правовых норм, призваны защищать права личности на необходимую оборону, особенно в ситуации неожиданного посягательства.

4. Социальный аспект уголовной политики выражен в нормах статьи, регламентирующей задержание лица, совершившего преступление (ст. 38). Эти нормы являются действенным средством борьбы с преступностью, поскольку, во-первых, способны оказать сдерживающее воздействие в отношении лиц, совершающих преступления, так как закон предоставляет право задерживаемому лицу причинять вред преступнику; во-вторых, действия граждан, направленные на задержание преступника, в силу их высокой социальной ценности обеспечены нормами УК РФ, поскольку действия таких граждан признаны непроступными. В нормах ст. 38 УК РФ, признающих общественно полезными действия лица при задержании, отражена уголовная политика, выражающая взгляды государства предоставить возможность гражданам противодействовать преступности путем осуществления действий, целью которых является доставление преступника органам власти и пресечение возможности совершения ими новых преступлений.

5. Нормы ст. 39 УК РФ предоставляют возможность гражданам посредством причинения вреда охраняемым законом интересам предотвратить грозящую им опасность, если эта опасность не могла быть устранена без причинения вреда. Социальная полезность данной статьи заключается в том, что законодатель, во-первых, защитил объекты уголовно-правовой политики – жизненно важные интересы личности, общества, государства от угрожающей опасности; во-вторых, закрепил социальное последствие поведения субъекта, устранившего угрожающую опасность, так как его деятельность в данной обстановке признана непроступной; в-третьих, признал правомерной защиту одних благ за счет причинения вреда другим, поскольку причиняется вред меньший, чем тот, который мог наступить при невмешательстве субъекта в развитие событий; в-четвертых, включил в норму модель возможного поведения субъекта, которая выражена в действиях, направленных на устранение опасности, непосредственно угрожающей личности, интересам общества или государства.

6. В ч. 1 ст. 40 УК РФ предусмотрено правовое основание, исключаящее преступность деяния – физическое принуждение, применяемое к лицу с целью заставить его совершить действие (бездействие), в результате которого причиняется вред охраняемым законом интересам. В этой норме выражено стремление государства более полно учесть интересы личности, нуждающейся в защите от последствий вынужденно совершенных действий (бездействия) под воздействием непреодолимого принуждения. Социальная ориентация уголовной правовой политики отражена законодателем в исключении преступности деяния при вынужденном причинении вреда охраняемым законом интересам.

7. Принципиальное направление уголовной политики в сфере развития уголовного законодательства воплощено в регламентации обоснованного риска, ранее неизвестного отечественному законодательству. Законодатель в ч. 1 ст. 41 УК РФ закрепил социально полезный образец поведения субъектов в различных сферах деятельности. В данной статье предусмотрена защита лица, осуществившего рискованные действия, в основе которых лежит достижение общественно полезной цели. Обоснованно рискованные действия, совершенные во имя общественного блага, характеризуются вероятностью причинения вреда охраняемым законом интересам. Государственное волеизъявление, направленное на защиту прав лиц, стремящихся к достижению общественно полезных результатов, выражено в признании рискованных действий непроступными в случае причинения вреда правам и законным интересам при соблюдении указанных в законе ограничительных условий.

8. Нововведением законодателя является ст. 42 УК РФ, в которой представлены две модели поведения лиц, связанные с исполнением (неисполнением) приказа или распоряжения. Законодателем учтено требование уголовной политики, предписывающее дифференцировать ответственность лиц в зависимости от характера совершаемых действий. Так, ч. 1 ст. 42 защищает лицо, совершившее действие (бездействие) в рамках обязательного для него приказа (распоряжения), в ходе осуществления которого был причинен вред охраняемым законом интересам. Ответственность за причиненный вред несет лицо, отдавшее приказ. В части. 2 данной статьи предусмотрена ответственность лица, осознающего исполнение незаконного приказа или распоряжения. В случае неисполнения такого приказа лицо освобождается от уголовной ответственности.

В зависимости от расположения в УК РФ, рассматриваемые обстоятельства можно подразделить на общие и специальные. Первые из них содержатся в гл. 8. Специальные обстоятельства предусмотрены рядом примечаний к статьям Особенной части (примечания к ст. 151, 230, 308, 316, 322). Так, согласно примечанию к ст. 316, лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником.

Поскольку в науке и практике, помимо обстоятельств, включенных в УК РФ, выделяют также обстоятельства, не им предусмотренные, рассматриваемые обстоятельства можно подразделить на две указанные группы. В числе обстоятельств, которыми разные авторы предлагают дополнить гл. 8: согласие потерпевшего, исполнение закона, выполнение профессиональной обязанности, причинение вреда во время спортивных соревнований, пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию.

Итак, обстоятельства, исключающие преступность деяния, – это такие обстоятельства, при наличии которых причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам не признается совершением общественно опасного деяния, а, наоборот, считается общественно полезным или социально приемлемым поведением.

2. Необходимая оборона

Необходимая оборона – это правомерная защита от общественно опасного посягательства, реализуемая в причинении вреда посягающему лицу.

Данный институт, предусмотренный ст. 37 УК РФ, создает механизм осуществления закрепленного в ст. 45 Конституции РФ права, согласно которому каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснено: «Уголовно-правовая норма о необходимой обороне, являясь одной из гарантий реализации конституционного положения о том, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации), обеспечива-

ет защиту личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиту охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства».

Институт необходимой обороны нацелен на поощрение любой правомерной активности граждан, направленной на пресечение общественно опасных посягательств. Уголовный закон ориентирует законопослушных граждан на нетерпимое отношение к общественно опасным посягательствам. Одновременно он обращен ко всем неустойчивым лицам, способным встать на путь совершения преступления, предупреждая их о том, что совершение ими общественно опасного посягательства может вызвать достойное сопротивление, связанное с причинением серьезного вреда.

Регламентируя институт необходимой обороны, законодатель стремится обеспечить права обороняющегося от общественно опасного посягательства для того, чтобы стимулировать его на подобные действия и оградить от возможного необоснованного привлечения к ответственности, в частности за превышение пределов необходимой обороны.

Согласно действующей редакции ч. 1 ст. 37 УК РФ лица, находящиеся в состоянии необходимой обороны, наделяются правом защищаться от общественно опасного посягательства любыми средствами и с причинением нападающему любого вреда, вплоть до лишения его жизни, если факт посягательства сопряжен: а) с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица; б) с непосредственной угрозой применения такого насилия. О наличии такого посягательства могут свидетельствовать, в частности: причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов); применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

Под посягательством, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, следует понимать совершение общественно опасных деяний, сопряженных с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица (например, побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью, грабеж, совершенный с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья).

Кроме этого, таким посягательством является совершение и иных деяний (действий или бездействия), в том числе по неосторожности, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, которые, хотя и не сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда. К таким посягательствам относятся, например, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, транспортных средств или путей сообщения.

Если посягательство не было сопряжено с насилием опасным для жизни, либо с угрозой применения такого насилия, то лицо, находящееся в состоянии необходимой обороны, должно соблюсти ряд условий.

Условия правомерности необходимой обороны

1. Относящиеся к нападению: *общественная опасность посягательства, его наличие и действительность.*

Общественная опасность посягательства является обязательным условием возникновения права на необходимую оборону, так как его наличие создает основание для возникновения права на необходимую оборону. Само состояние необходимой обороны возникает в любом случае, когда гражданин осознает, что сталкивается с общественно опасным посягательством, направленным на интересы его самого, его близких, других лиц, законные интересы общества или государства.

Статья 37 УК РФ допускает оборону против общественно опасных поступков, совершаемых лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, а также общественно опасных действий со стороны невменяемых.

Не может признаваться находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, причинившее вред другому лицу в связи с совершением последним действий, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законодательством, но заведомо для лица, причинившего вред, в силу малозначительности не представлявших общественной опасности.

Правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необхо-

димой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками правоохранительных органов при обеспечении общественной безопасности и общественного порядка и др.).

Наличность посягательства. Обоснованной признается своевременная защита, когда объектам уголовно-правовой охраны уже причиняется вред или существует реальная угроза его немедленного причинения. Необходимая оборона обоснована в период от начала до окончания посягательства. Началом посягательства признается покушение на преступление. Вместе с тем при практическом разрешении этих уголовно-правовых вопросов начало посягательства может быть смещено на более ранний период. Пленум Верховного Суда в Постановлении от 27 сентября 2012 г. разъяснил, что «...Непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы». Зачастую угроза начала посягательства очевидна, непринятие защитных мер ставит людей, общественные и государственные интересы в явную, неотвратимую опасность причинения вреда. Оборона от такой угрозы допустима. Более того, непринятие предупредительных мер чревато утратой самой возможности оказать сопротивление.

Состояние необходимой обороны может быть вызвано и общественно опасным посягательством, носящим длящийся или продолжаемый характер (например, незаконное лишение свободы, захват заложников, истязание и т. п.). Право на необходимую оборону в этих случаях сохраняется до момента окончания такого посягательства.

В случае совершения предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации деяний, в которых юридические и фактические моменты окончания посягательства не совпадают, право на необходимую оборону сохраняется до момента фактического окончания посягательства.

Угрозу нападения нельзя смешивать с обнаружением умысла и приготовительными действиями. В них отсутствует наличность посягательства. По этой причине причинение вреда в подобных обстоятельствах будет неправомерным и влечет ответственность лица.

Наличным посягательство может быть и при уже оконченном нападении. В Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. отмечается, что «состояние необходимой обороны может иметь место, в том числе, в случаях, когда:

– защита последовала непосредственно за актом хотя и оконченного посягательства, но исходя из обстоятельств для оборонявшегося лица не был ясен момент его окончания, и лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается;

– общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам.

Переход оружия или других предметов, использованных в качестве оружия при посягательстве, от посягавшего лица к оборонявшемуся лицу сам по себе не может свидетельствовать об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства». Это положение закреплено и в ч. 2.1 ст. 37 УК РФ.

В случаях причинения вреда нападающему после завершения посягательства при наличии сознания, что посягательство фактически закончилось, должно квалифицироваться как совершение умышленного преступления.

Действительность посягательства. Общественная опасность посягательства должна существовать реально, то есть она должна быть объективной и не является плодом представлений, воображения обороняющегося. Защита против кажущегося посягательства расценивается как мнимая оборона.

Мнимая оборона, в отличие от правомерной обороны, хотя и связана с «защитой», тем не менее, объективно представляет собой разновидность опасного поведения, зачастую влекущего причинение необоснованного вреда различным правоохраняемым интересам. «Защита» в такой ситуации неуместна, а само причинение вреда «нападающему» не может расцениваться по правилам необходимой обороны, так как ее реально нет. Ответственность за вред, причиненный при мнимой обороне, наступает за действия, совершенные при наличии фактической ошибки. Важно подчеркнуть, что для мнимой обороны необходимо стечение таких внешних обстоятельств, которые могли бы спровоцировать ошибку лица из-за схожести происхо-

дящего на реальное нападение. Если же обстановка, в которой развивались события, не давала оснований для вывода о нападении, а само предположение о факте нападения было необоснованным, все содеянное должно квалифицироваться как совершение умышленного преступления.

В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. обращается внимание судов на необходимость различать состояние необходимой обороны и так называемой мнимой обороны, когда субъект лишь ошибочно предполагает наличие посягательства.

2. Относящиеся к защите: *вред должен быть причинен только посягающему, а не третьим лицам.*

Кто конкретно совершает посягательство, в каких родственных или служебных отношениях с ним находится защищаемое лицо, значения не имеет. Поэтому при защите вред может быть причинен супругу или другим родственникам, начальнику или подчиненному по службе и даже представителю власти, если его действия объективно выразились в незаконном посягательстве, квалифицируемом как нападение.

Причинение вреда третьему лицу всегда исключает состояние необходимой обороны, поскольку такое поведение реально общественно опасно и влечет ответственность на общих основаниях. Хотя возможны варианты правовой оценки содеянного. Во-первых, возможно причинение вреда третьему лицу в результате фактической ошибки. В этом случае содеянное оценивается по правилам мнимой обороны. Во-вторых, возможно причинение вреда третьим лицам при отклонении действия. В последнем варианте ответственность наступает с учетом неосторожной формы вины лица.

Действующее законодательство при известных условиях признает причинение вреда третьим лицам как правомерное поведение, но для этого необходимо установить основания для применения другого правового института – крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

Правила о необходимой обороне распространяются на случаи применения не запрещенных законом автоматически срабатывающих или автономно действующих средств или приспособлений для защиты охраняемых уголовным законом интересов от общественно опасных посягательств. Если в указанных случаях причиненный посягающему лицу вред явно не соответствовал характеру и опасности посягательства, содеянное следует оценивать как превышение пределов необходимой обороны. При срабатывании (приведении в действие)

таких средств или приспособлений в условиях отсутствия общественно опасного посягательства содеянное подлежит квалификации на общих основаниях.

Посягательство имеет начальный и конечный моменты, соответственно и *защита должна быть своевременной*, ее правомерность предопределяется пределами во времени. Необходимая оборона возможна именно в тот период времени, которое занимает само посягательство. Обычно защита возможна с покушения до окончания посягательства, его фактического прекращения. Оконченным посягательство может быть не только в случае достижения поставленной цели, но и в ситуациях, когда в результате деятельности других людей или действий защищаемого субъект объективно не может продолжать посягательство, а также в случае его добровольного отказа, либо когда он вынужден на длительное время отложить продолжение посягательства. Окончание посягательства всегда свидетельствует об исчезновении основания для осуществления защиты.

Надо отличать прекращение посягательства от кратковременного приостановления его осуществления. Например, не справившись с потерпевшим, нападающий, оставив его, начинает выламывать доску или кол в заборе для использования их в качестве орудия нападения. В данном случае субъект не прекратил нападения. Временное приостановление посягательства связано с намерением продолжения нападения с большей интенсивностью. Поскольку в таком продолжаемом во времени и по эпизодам нападении угроза не устраняется, то сохраняется право на оборону.

Случаи, когда лицо намеренно вызывает нападение, чтобы затем использовать его как предлог для совершения запрещенных законом действий, называются «провокация обороны». В таких случаях часто используется ситуация драки, в ходе которой учиняется расправа или реализуется акт мести. Состояния необходимой обороны здесь нет, и содеянное надлежит квалифицировать на общих основаниях как умышленное преступление.

Соразмерность защиты характеру и опасности посягательства.

Как было отмечено, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УК РФ, правомерной ныне признается защита от посягательства, сопряженного с насилием опасным для жизни обороняющегося или другого лица или угрозой такого насилия путем причинения посягающему любого вреда, вплоть до лишения его жизни. Превышение пределов необходи-

мой обороны возможно лишь в ситуациях, когда посягательство не сопряжено с упомянутым выше насилием или его угрозой.

Защита правомерна, если в ходе ее реализации не было допущено превышения пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37). Решая вопрос о соразмерности защиты и посягательства, необходимо учитывать все факторы, имеющие непосредственное отношение к событию (характер и степень общественной опасности посягательства в сопоставлении с возможностями обороняющегося).

Превышением пределов необходимой обороны признаются умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства.

Под явным несоответствием защиты характеру и степени общественной опасности посягательства понимается причинение нападающему чрезмерного, не вызываемого в сложившихся обстоятельствах необходимостью, вреда здоровью либо смерти. Например, причинение тяжкого вреда здоровью с использованием огнестрельного оружия для защиты от посягательства, выразившегося в оскорблении и пощечинах, должно квалифицироваться как превышение пределов необходимой обороны, поскольку само нападение не обладает большой опасностью. Для решения вопроса о том, превышены пределы необходимой обороны или нет, необходимо установить чрезмерность защиты, то есть явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства.

Уголовная ответственность за причинение вреда наступает для оборонявшегося лишь в случае превышения пределов необходимой обороны, то есть когда по делу будет установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, такими способами и средствами, применение которых явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть. При этом ответственность за превышение пределов необходимой обороны наступает только в случае, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягавшего лица, надлежит квалифицировать только по ч. 1 ст. 114 УК РФ.

Не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства.

При посягательстве нескольких лиц обороняющееся лицо вправе применить к любому из посягающих такие меры защиты, которые определяются характером и опасностью действий всей группы.

Разрешая вопрос о наличии или отсутствии признаков превышения пределов необходимой обороны, суды должны учитывать: объект посягательства; избранный посягавшим лицом способ достижения результата, тяжесть последствий, которые могли наступить в случае доведения посягательства до конца, наличие необходимости причинения смерти посягавшему лицу или тяжкого вреда его здоровью для предотвращения или пресечения посягательства; место и время посягательства, предшествовавшие посягательству события, неожиданность посягательства, число лиц, посягавших и оборонявшихся, наличие оружия или иных предметов, использованных в качестве оружия; возможность оборонявшегося лица отразить посягательство (его возраст и пол, физическое и психическое состояние и т. п.); иные обстоятельства, которые могли повлиять на реальное соотношение сил посягавшего и оборонявшегося лиц.

Следует иметь в виду, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты. Поэтому ст. 37 УК РФ была дополнена специальным положением, в соответствии с которым не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался бóльшим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства.

Следует иметь в виду, что правоприменительная практика по делам о необходимой обороне и превышении ее пределов непоследовательна и противоречива. В ней господствует обвинительный уклон,

о чем, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что фиксируемое судебной статистикой количество эксцессов обороны значительно превышает число случаев правомерной необходимой обороны¹, а логическое построение ст. 37 УК РФ и возможность относительно широкого толкования при определении круга объектов возможной защиты и пределов таковой на практике, как ни странно, реализуется с точностью до наоборот. Трудно не согласиться с мнением Э. Побегайло о том, что в правоприменительной среде указания закона принимаются однозначно: если посягательство угрожает жизни обороняющегося, то можно причинять посягающему любой вред вплоть до смерти; в других случаях, как правило, усматривается превышение пределов необходимой обороны, а то и обычное преступление против личности².

3. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление

Общеизвестно, что далеко не все лица, совершившие преступление, привлекаются к уголовной ответственности. Одной из причин недостаточной раскрываемости преступлений является то, что во многих случаях не удается, что называется, задержать преступника с поличным, на месте преступления или в ходе последующих оперативно-розыскных мероприятий. Это ведет к совершению ими новых, порой более тяжких преступлений. Для минимизации возможности такого развития событий в ряде нормативных актов говорится о праве задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления или уклоняющихся от исполнения наказания (например, гл. 5 Закона о полиции; ст. 25 Закона о государственной охране, и др.).

В ходе задержания возможно применение физической силы, специальных средств и оружия, что может причинить вред задерживаемому лицу. Однако право на задержание лица, совершившего преступление, в том числе и с причинением ему необходимого для задержания вреда, принадлежит не только специально уполномочен-

¹ Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. С. 4.

² Побегайло Э. О пределах необходимой обороны // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 69.

ным работникам правоохранительных органов, но и любому гражданину.

В соответствии с разъяснением Пленума Верховного суда РФ, «право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении. Положения статьи 38 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть применены в отношении указанных лиц в случае причинения ими вреда при задержании лица, совершившего преступление».

В связи с изложенным становится ясно, насколько важно иметь в уголовном законодательстве нормы, позволяющие задержать лицо, совершившее преступление, вопреки его воле, с применением правомерного насилия. В начале XX века С. В. Познышев, русский юрист и психолог, писал по этому поводу: «... Вооружая граждан правом насильственного захвата преступников, государственная власть до известной степени затруднит преступникам торжество над правосудием и увеличит риск преступной деятельности»¹.

Уголовно-правовое задержание следует отличать от административного (которому предшествует доставление лица в орган полиции) уголовно-процессуального, которое выражается в составлении протокола в соответствии со ст. 92 УПК РФ. Между тем в юридической литературе не всегда проводится такое отличие, что приводит к ущемлению права на правомерное причинение вреда преступнику в целях пресечения его попытки скрыться от правосудия.

Как и в ситуациях необходимой обороны, лицо управомочивается причинить вред задерживаемому лишь при соблюдении определенных условий, прямо закрепленных в законе или вытекающих из смысла соответствующих правовых норм. Число этих условий должно быть минимальным, учитывая скоротечность ситуации задержания и ее, как правило, стрессовый характер. На наш взгляд, таких условий всего пять – два из них характеризуют совершенное задерживаемым деяние, а три – вред, который ему причиняется.

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. – М., 1912. С. 150.

Условия, характеризующие совершенное задерживаемым деяние

1. Задерживаемый должен быть не просто причинителем общественно опасного вреда, а именно преступником, то есть в его деянии должны содержаться все без исключения признаки состава преступления (или преступлений).

На практике соблюсти это условие нелегко, особенно человеку, не обладающему юридическими познаниями. Однако и до соответствующей корректировки законодательной формулы уголовно-правового задержания в ряде случаев причинение вреда задерживаемому, не совершившему преступления, не должно влечь уголовной ответственности. Речь идет о так называемом «мнимом» задержании или, точнее, задержании мнимого преступника (невменяемого, лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, действовавшего по неосторожности, когда состав преступления предполагает исключительно умышленную форму вины и т. п.). Причинение вреда указанному лицу будет извинительным, если задерживающий не должен был или не мог знать, что задерживаемый не является преступником. Иными словами, эта ситуация представляет собой частный случай невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ).

2. Преступное посягательство уже совершено или прервано на предварительных стадиях. Это положение применяется в случаях, когда общественно опасное посягательство (преступление) уже было окончено либо пресечено и вред причиняется лицу, совершившему преступление, исключительно в целях задержания его для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им нового преступления. Если задержанный преступник оказывает сопротивление и применяет насилие по отношению к лицам, осуществляющим его задержание, то у последних вновь возникает право на необходимую оборону. Это важно понимать, поскольку в законе установлены более жесткие условия правомерности причинения вреда при задержании по сравнению с такими условиями в случае необходимой обороны.

Что касается временных рамок, в течение которых допускается насильственное задержание преступника, то непосредственно в ст. 38 УК РФ они не определены. Думается, что они вытекают из содержания ст. 78, устанавливающей сроки давности привлечения к уголовной ответственности и порядок их течения.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда от 27 сентября 2012 г. «к лицам, совершившим преступление, следует относить лиц, совершивших как оконченное, так и неоконченное преступление, а также соучастников соответствующего преступления. При этом наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении таких лиц не является обязательным условием при решении вопроса о правомерности причинения им вреда в ходе задержания».

Попытки сузить эти рамки видятся неосновательными, поскольку общественная опасность скрывшегося преступника может с течением времени не ослабляться, а, наоборот, усиливаться (совершение новых преступлений, переход на нелегальное положение, уверование в безнаказанность, включение в состав организованной преступной группы и т. д.).

Условия, характеризующие причинение вреда

Причинение вреда лицу, совершившему преступление, оправданно при одновременном наличии ряда условий.

1. Вред должен причиняться исключительно лицу, совершившему преступление и уклоняющемуся от правосудия, а не третьим лицам. Закон запрещает, тем самым, причинять вред здоровью, скажем, родным или близким скрывающегося преступника, ограничивать их свободу (брать в заложники) ради его явки в органы власти.

«Исходя из положений статьи 38 УК РФ, задерживаемое лицо должно быть уверено, что причиняет вред именно тому лицу, которое совершило преступление (например, когда задерживающий является пострадавшим либо очевидцем преступления, на задерживаемого прямо указали очевидцы преступления как на лицо, его совершившее, когда на задерживаемом или на его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления)».

Здесь прослеживается большое сходство с одноименным условием правомерности необходимой обороны. Хотя есть и отличие: если оборона от группового посягательства может заключаться в причинении ущерба любому соучастнику исходя из опасности посягательства в целом, а не его индивидуальной роли, то при задержании вред должен причиняться сугубо избирательно, то есть в отношении только тех соучастников, которые пытаются скрыться.

Если при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно характера совершенного задержанным лицом противоправного деяния, приняв за преступление административное правонарушение или деяние лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, либо лица в состоянии невменяемости, в тех случаях, когда обстановка давала основания полагать, что совершалось преступление, и лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать действительный характер совершавшегося деяния, его действия следует оценивать по правилам статьи 38 УК РФ, в том числе и о допустимых пределах причинения вреда.

Аналогичным образом следует оценивать и ситуации, когда при задержании лицо добросовестно заблуждалось относительно того, кто именно совершил преступление, а обстановка давала ему основание полагать, что преступление было совершено задержанным им лицом, и при этом лицо, осуществлявшее задержание, не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения.

Если при задержании лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать указанные обстоятельства о характере противоправного деяния и о том, кто именно совершил преступление, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления, совершенные по неосторожности.

При отсутствии указанных обстоятельств причинение вреда лицу при его задержании подлежит квалификации на общих основаниях.

2. Наличие цели его задержания для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им нового преступления. Причинение вреда из мести либо по другим мотивам лицу, совершившему преступление, но не пытающемуся скрыться или уже задержанному, не может рассматриваться по правилам рассматриваемой нормы и влечет уголовную ответственность на общих основаниях, возможно при смягчающих обстоятельствах (например, в состоянии аффекта). Причинение вреда должно быть единственным средством удержания преступника и доставления его в правоохранительные органы.

3. Вред не должен превышать мер, необходимых для задержания. Законодатель в ч. 2 ст. 38 УК РФ характеризует превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, как явное (то есть очевидное, бесспорное, несомненное) несоот-

ветствие этих мер характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Таким образом, следует учитывать и опасность совершенного задерживаемым лицом преступления, и обстановку (обстоятельства) задержания, а также данные о личности задерживаемого, в тех случаях, когда известно, подлежащее задержанию лицо.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда от 27. сентября 2012 г. №19, «...Под обстоятельствами задержания (обстановкой задержания), которые должны учитываться при определении размеров допустимого вреда, следует понимать все обстоятельства, которые могли повлиять на возможность задержания с минимальным причинением вреда задерживаемому (место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождении в состав банды, террористической организации и т. п.). В случае совершения преступления несколькими лицами причинение вреда возможно только в отношении тех соучастников, которых задержать иными средствами не представлялось возможным».

Лицу, виновному в преступлении небольшой тяжести, вряд ли правомерно причинять тяжкий вред здоровью, даже если иным способом задержать его было невозможно. Также неправомерным будет причинение тяжкого вреда лицу, совершившему даже особо тяжкое преступление, если при данных обстоятельствах его можно было задержать менее опасным способом.

Уголовно наказуемое причинение вреда при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, – это умышленное преступление. Следовательно, виновный, причиняя вред задерживаемому лицу, осознает общественно опасный характер своих действий, понимает их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, в частности то, что причиняемый им вред явно чрезмерен, не вызван в данном случае необходимостью задержания и его обстановкой. В иных случаях ответственность за превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, исключается.

Пленум гласит: «Разъяснить судам, что убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, а равно при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, подлежит квалификации по соответствующей части статьи 108 УК РФ и в тех случаях, когда оно сопряжено с обстоятельствами, предусмотренными в пунктах «а», «г», «е» части 2 статьи 105 УК РФ. В частности, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, должно быть квалифицировано только по статье 108 УК РФ и тогда, когда оно совершено при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (например, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц).

Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны несколькими лицами, совместно защищавшимися от общественно опасного посягательства, следует квалифицировать по статье 108 УК РФ.

Положения статей 37 и 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление. При этом если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, указанные лица совершат убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, содеянное ими при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по статье 108 или по статье 114 УК РФ».

4. Крайняя необходимость

Помимо состояния необходимой обороны в жизни складываются ситуации, когда, во-первых, источник опасности, угрожающей правоохраняемым интересам, коренится не только и не столько в порицаемом обществом поведении человека, сколько в иных процессах и явлениях; во-вторых, избирается принципиально иной способ защиты социально значимых благ – не путем причинения вреда посягающему, а за счет ущемления других законных интересов общества, государства и граждан.

Такое состояние именуется крайней необходимостью. УК РФ в ч. 1 ст. 39 определяет ее следующим образом: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемых законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости».

Применения норм о крайней необходимости невозможно без соблюдения тех условий, которые вытекают из законодательной формулы, закрепленной в ст. 39 УК РФ. Эти условия, подобно условиям правомерности необходимой обороны, могут быть объединены в две группы – *относящиеся к грозящей (или наступившей) опасности и характеризующие вред, причиненный ради предотвращения (нейтрализации) этой опасности.*

Условия, относящиеся к грозящей опасности

Опасность должна угрожать причинением существенного вреда интересам государства, общества, личности или правам граждан. Источник опасности может быть различный. Движущиеся механизмы, нападение животных, действия человека, причиняющего или угрожающего причинить вред каким-либо правоохраняемым интересам, необходимость одновременного выполнения различных обязанностей и т. д.

Опасность должна быть наличной, то есть создавшей непосредственную угрозу причинения вреда или начавшей причинять вред.

Опасность должна быть действительной, то есть реально существующей, а не мнимой. Однако если по обстоятельствам дела лицо не должно было и не могло сознавать, что опасность в действительности отсутствует, и совершило для устранения такой мнимой опасности действия, подпадающие под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, содеянное не может считаться преступлением.

Если же лицо не сознавало, но по обстоятельствам дела должно было сознавать, что в действительности опасности не существовало,

то причинение вреда для предотвращения такой мнимой опасности должно рассматриваться как неосторожное преступление.

Условия, характеризующие вред

Вред причиняется третьим лицам. Случаи крайней необходимости предполагают столкновение двух охраняемых законом интересов. При этом сохранение одного интереса достигается путем причинения меньшего вреда другому. Вред причиняется интересам учреждений, организаций и лиц, как правило, не причастных к возникновению опасности, не вызывающих ее своей деятельностью.

Грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами, кроме как путем причинения вреда. Причинение вреда является единственно возможным средством спасения более важного блага.

Не должно быть превышения пределов крайней необходимости. Вопрос о соотношении причиненного и предотвращенного вреда решается с учетом обстоятельств, относящихся к грозящей опасности и мерам по ее устранению, в первую очередь с учетом характера и значения сравниваемых интересов.

«Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда» (ч. 2 ст. 39 УК РФ).

В ряде случаев на практике не просто определить, имело ли место превышение пределов крайней необходимости. Прежде всего это касается ситуаций, когда причиненный вред по своему характеру резко отличается от вреда, который способна нанести грозящая опасность. При оценке не следует механически подходить к соотношению жертвуемого и оберегаемых благ. Например, принесение в жертву одной или даже нескольких человеческих жизней ради доставления транспорта с продовольствием в голодающий северный поселок с населением несколько сотен человек вполне оправданно (естественно, при наличии всех остальных условий правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости).

Закон запрещает причинять вред правоохраняемым интересам ради спасения равноценных благ. Так, преступным будет спасение собственной жизни за счет жизни другого человека.

Следует признать, что в уголовном законе отсутствует привилегированная норма, предусматривающая уголовную ответственность не только за превышение пределов крайней необходимости, но и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

5. Физическое и психическое принуждение

Как обстоятельство, исключающее преступность деяния, физическое или психическое принуждение впервые включено в действующее российское уголовное законодательство, хотя в прежней следственной и судебной практике, конечно, имели место случаи, когда лицо совершало преступление под влиянием внешнего принуждения. Такие случаи рассматривались с точки зрения института крайней необходимости или непреодолимой силы¹, а также как обстоятельство смягчающее уголовную ответственность (ст. 38 УК РСФСР 1960 г.)².

В соответствии с ч. 1 ст. 40 УК РФ «Не является преступлением причинение вреда ... в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)». Эта норма относится к случаям непреодолимого физического принуждения, полностью лишаящего человека возможности реализовать свободу воли в конкретном поведении. Налицо – непреодолимая сила, лишаящая человека возможности руководить своими действиями (бездействие), то есть ситуация, которую следует рассматривать в рамках учения об объективной стороне состава преступления.

Например, если лицу, несущему караульную службу, нанесли удар по голове, в результате чего он потерял сознание, то привлечь

¹ Следует отметить, что некоторые ученые, например, Т.Ю. Орешкина предлагают включить в УК норму о непреодолимой силе, правда, не в главу 8, а в главу 3 («Понятие преступления и виды преступления»), так как лицо, находящееся под непреодолимым принуждением, не способно на самостоятельный акт поведения, то есть оно не совершает поступка.

² Пункт 3 части 1 ст. 38 УК РСФСР гласил: «совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной или иной зависимости».

его к уголовной ответственности за нарушение правил несения боевого дежурства или уставных правил караульной службы невозможно. В этом случае примененное физическое насилие как раз и является разновидностью непреодолимой силы.

Причинение вреда правоохраняемым интересам в результате непреодолимого физического принуждения (ч. 1 ст. 40) оценивается в качестве непроступного как результат невольного следования внешнему неодолимому натиску, который лишает принуждаемого возможности руководить своими действиями (бездействием). Принуждаемый не оказывает сопротивление общественно опасному посягательству, а вынужденно подчиняется ему, причиняя тем самым уголовно наказуемый вред объектам, охраняемым уголовным законом.

Как верно подмечено в немецком уголовном праве, принуждение (*Notigung*) – это «воспрепятствование осуществлению воли в определенном направлении или принуждение к осуществлению воли в определенном направлении». По справедливому мнению С. В. Познышева, «принуждением может считаться всякое воздействие на другого субъекта, противное воле последнего и направленное к тому, чтобы побудить его что-либо совершить или, наоборот, чего-нибудь не совершать»¹.

Целью принуждения является стремление добиться от потерпевшего нужного для принуждающего поведения, а именно совершения деяния, предусмотренного уголовным законодательством.

Физическое принуждение – это такое внешнее незаконное воздействие на человека (его телесную неприкосновенность или свободу), при котором он лишается возможности действовать, не может руководить своими действиями (бездействием). Физическое принуждение может осуществляться как с помощью физического насилия (например, путем причинения принуждаемому лицу побоев, физической боли, вреда здоровью различной тяжести, лишения пищи, воды, применения гипноза, введения наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, использования определенных видов энергии для парализации воли – воздействие сильным светом, отравление газом, прижигание огнем и т. д.), так и совершением других действий, ограничивающих движение или лишающих свободы лица (например путем связывания, запираания в изолированном помещении, погребе и др.).

¹ Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. – М.: А.А. Карцев, 1912. С. 151.

Следует различать непреодолимое и преодолимое физическое принуждение. Общественно опасным можно считать лишь вред, причиненный в состоянии непреодолимого физического принуждения. Скажем, если рукой захваченного преступниками человека насильно приводится в действие взрывное устройство, его действия вряд ли кто-либо сможет назвать полезными, так как в результате произведенного взрыва погибли люди, было разрушено здание и причинен иной вред. Тем не менее это лицо не подлежит уголовной ответственности, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 40, «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате физического принуждения, если вследствие такого принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием)».

Принципиально иная ситуация предусмотрена ч. 2 ст. 40 УК РФ – «Вопрос об уголовной ответственности за причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в результате психического принуждения, а также в результате физического принуждения, вследствие которого лицо сохранило возможность руководить своими действиями, решается с учетом положений статьи 39 настоящего Кодекса». По существу, речь идет о частных случаях крайней необходимости и потому следует признать правомерными предложения о переносе данной нормы в ст. 39 УК РФ¹.

Считать, что и эти действия не являются общественно полезными, значит подрывать устоявшуюся оценку всего института крайней

¹ Указанные предложения см., напр.: Волженкин Б.В. Уголовный кодекс России. Научно-практический комментарий / под ред. В.М. Лебедева. – М., 1998. С. 40; Босхолов С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового регулирования: автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. С. 23; Побегайло Э.Ф. Уголовное право России: учебник для вузов. Т. 1. Общая часть / под ред. А.И. Игнатова и Ю.А. Красикова. – М., 2000. С. 303; Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. С. 140; Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. – 2000. – № 1. С. 38; Она же. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право: материалы всерос. конф. – М., 2001. С. 118; Пархоменко С. Уголовно-правовая регламентация превышения пределов крайней необходимости // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 49; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб., 2009. С. 485, 486.

необходимости. Признание деяния преступным в таких случаях обусловливается тем, что принуждение не является непреодолимым, то есть, исходя из степени опасности угроз или физического принуждения лицо может действовать и само избирает вариант своих действий. Лицо может на выбор или поступиться своими личными интересами, или причинить вред другому лицу, обществу или государству.

Под психическим принуждением следует понимать различные действия, которые могут воздействовать на волю принуждаемого лица, вызывать у него страх, служить основанием реального опасения осуществления угроз в отношении его самого или близких, знакомых, собственности, благополучия и др., например, высказывание угрозы убийством или жеста об этом, демонстрацию оружия и т. д.

Для признания деяния совершенным в состоянии крайней необходимости, исключающим уголовную ответственность, должны быть соблюдены два условия: 1) опасность не могла быть устранена иными средствами; 2) не было допущено превышения пределов крайней необходимости (причиненный вред должен быть в любом случае меньше предотвращенного вреда).

Не может считаться обстоятельством, исключающим преступность деяния, психическое принуждение в виде угрозы применения (или продолжения применения) к принуждаемому законных мер воздействия.

6. Обоснованный риск

В соответствии с ч. 1 ст. 41 УК РФ – «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели».

Данная статья не содержит определения риска, а в научной литературе по этому вопросу высказываются различные суждения. В частности, Ю. В. Баулин полагает, что риск есть объективное состояние возникновения опасности причинения вреда, при котором неизвестно, наступит этот вред или нет, М. П. Карпушин определил риск как опасность наступления невыгодных последствий от целесообразных действий (это образ действий в условиях, когда нет гарантии успеха), В. П. Мамайкин, В. Н. Щербаков и В. В. Яковлев считают, что риск как понятие имеет право на существование лишь в том случае, если рассматривается стохастический (случайный, вероятност-

ный) процесс и лицо, принимающее решение, имеет право выбора того или иного варианта, в том числе и отказа от любого из них¹.

В русском языке «риск» определяется как возможность опасности, неудачи, как действие наудачу, в надежде на счастливый случай².

В практической деятельности риск проявляется в двух аспектах. Во-первых, как необходимость предпочтения одного какого-либо действия из нескольких возможных, каждое из которых в силу неочевидности обстановки и неполноты данных, послуживших основой для принятия решения, может повлечь негативные последствия. Во-вторых, как выбор между применением нового метода, обещающего эффективный результат, но сопряженного с возможностью наступления вреда, и использованием менее эффективного, но заведомо не несущего опасности способа.

В юридической литературе выделяются несколько видов обоснованного риска – производственный, хозяйственный, коммерческий, научно-технический, организационно-управленческий и др.³, даются понятия условий правомерности риска с подразделением их на две группы, одна из которых характеризует цель, а другая – сами действия⁴.

Наличие в УК РФ рассматриваемого обстоятельства обусловлено тем, что иногда использование в различных областях давно проверенных и хорошо себя зарекомендовавших способов в новых условиях не приносит ожидаемых результатов, требуется обращение к иным формам и методам, которые, по всем расчетам, позволят осуществить «прорыв» в решении той или иной проблемы. Но применение новых

¹ Баулин Ю. В. К вопросу о профессиональном и хозяйственном риске в проекте Основ уголовного законодательства // Правовое государство. Вып. 1. – Тарту, 1989. С. 227; Карпушин М. П. Проблемы уголовного права в оперативной и следственной практике органов государственной безопасности. – М., 1984. С. 97; Мамайкин В. П., Щербаков В. Н., Яковлев В. В. Проблема оценки риска // Жизнь и безопасность. – 1996. – № 4. – С. 103.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1998. С. 679.

³ См., напр.: Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. – М., 1999. Т. 1. С. 484–485.

⁴ См., напр.: Уголовное право. Общая часть. – М., 1997. С. 229–230; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная. – М., 1999. С. 189–191; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. – М., 1999. С. 143.

форм и методов часто сопряжено с повышенным риском причинения вреда правоохраняемым интересам.

Применение рассматриваемого института особенно актуально в настоящее время, когда, с одной стороны, в обществе широко распространилось демонстративное пренебрежение к элементарным правилам безопасности на производстве и в быту, что приводит к взрывам, авариям, пожарам, крушениям и другим техногенным катастрофам, а с другой стороны, представители власти постоянно являют примеры нерешительности, вялости, а то и просто трусости в критических ситуациях, что также ведет к большим людским и материальным потерям.

Конечно, риск не должен превращаться в авантюру, грозящую крахом и причинением серьезного вреда правоохраняемым интересам. Поэтому законодатель в ч. 3 ст. 41 УК РФ установил, что «риск не признается обоснованным, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия».

Вместе с тем представляется излишним дополнительное ограничение, содержащееся в ч. 2 этой же статьи УК: «Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием), и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам».

Рискованная ситуация характеризуется следующими признаками:

а) достижение общественно полезной цели обычными, традиционными, известными практике и не связанными с риском способами в данной конкретной обстановке невозможно;

б) имеется основанная на передовом опыте и достижениях науки реально осуществимая в данной обстановке возможность достижения общественно полезного результата путем использования новаторского, нетрадиционного способа;

в) причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам является лишь маловероятной возможностью, оно не детерминируется ни самой ситуацией, ни предпринимаемыми для ее разрешения действиями.

Ситуация, обладающая вышеуказанными признаками, является рискованной. Однако не всякие совершенные в такой обстановке действия, повлекшие вред охраняемым уголовным законом отношениям,

признаются правомерными, а лишь отвечающие совокупности следующих условий правомерности:

а) рискованное действие должно быть направлено на достижение общественно полезной цели. В качестве общественно полезной цели выступают сохранение и увеличение с наименьшими затратами любых общечеловеческих ценностей как для отдельной личности или групп населения, так и для всего общества в целом. Таковыми могут быть спасение жизни человека во время медицинской операции, научное открытие, значительная прибыль в предпринимательской деятельности, существенная экономия средств¹;

б) рискованные действия заведомо для субъекта риска должно исключать угрозу жизни людей, экологической катастрофы или общественного бедствия;

в) субъект риска, осознавая возможность причинения ущерба и его объем, должен предпринять все необходимые меры для предотвращения возможного вреда, включая меры по локализации возможных вредных последствий.

Конечно, в критических условиях трудно предусмотреть все, тем не менее достаточные меры для предотвращения потенциального ущерба должны быть лицом предприняты. Эти действия должны основываться на всех доступных «среднему профессионалу» в данной сфере деятельности современных научных знаниях и достижениях практики.

Представляется, что рискованное действие возможно в тех случаях, когда оно заведомо для субъекта риска прямо не запрещено законом применительно к конкретной обстановке либо ситуация вообще нормативно не урегулирована.

7. Исполнение приказа или распоряжения

Еще одна новелла, появившаяся в УК РФ 1996 г., выражается во введении института, заключенного в ст. 42².

¹ Курс уголовного права: Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Т. 1. С. 486.

² Российскому законодательству досоветского периода также было знакомо указанное обстоятельство. (См.: Воинские Артикулы Петра I, Уголовное уложение 1813 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уголовное уложение Российской империи 1903 г., а также: Куплевасский А.Д.

В теории уголовного права нет единого понимания юридической природы и сущности указанного обстоятельства.

Следует отметить, что немалые споры вызывает толкование терминов, используемых при формулировке норм ст. 42, таких как: «приказ», «распоряжение», «незаконный», «заведомость».

В русском языке приказ – «официальное распоряжение органа власти, руководителя учреждения, предприятия, войскового начальника и т. п.», а «распоряжение – указание о выполнении чего-либо; приказ, постановление»¹. Из этого следует, что по своему содержанию эти понятия синонимичны, поэтому следует принять позицию с Н. Г. Кадникова о том, что в уголовном законе эти понятия используются как тождественные².

Отметим, что в уголовно-правовом смысле указанные термины следует использовать как синонимы, хотя бы с учетом сложившейся и устоявшейся тенденции в уголовной науке и юридической практике.

Необходимо определить следующие критерии законности приказа: приказ отдан компетентным органом (лицом); приказ не противоречит закону по форме и по существу; приказ отдается во имя достижения цели закона; соблюдены процессуальные и иные правила отдачи приказа. Кроме того, законность приказа должна устанавливаться в каждом конкретном случае, в том числе и путем анализа тех или иных законов (подзаконных нормативных актов), определяющих компетенцию лица, отдавшего соответствующий приказ³.

Поскольку во времени отдача приказа и его исполнение не могут существовать одновременно, и исполнение всегда (пусть даже с небольшим разрывом) следует за отдачей приказа, то вполне допустима ситуация, когда исполнитель в момент получения приказа не

О пределах повиновения незаконным распоряжениям и действиям должностных лиц // Юридический вестник. – 1889. – № 9. – С. 233–237; Кузьмин-Каратаев А.С. Военно-уголовное право. – СПб., 1895; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. С. 408.)

¹ Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 2000. С. 979.

² См.: Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. С. 396.

³ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. А.В. Наумова. – М., 1994. С. 267; Игнатов А.Н. Комментарий к статье 42 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., перераб. и доп. / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2010. С. 85.

знает или однозначно не уверен в его преступности. Такое осознание или уверенность могут прийти позднее. Ситуация, когда лицо фактически начало совершать объективно преступное деяние во исполнение приказа, но осознает его преступность только в процессе исполнения вызывает определенные сложности. Такое осознание преступности будет характеризоваться не заведомостью, так как заведомость – это осведомленность до начала совершения преступления. В рассматриваемом случае объективно преступное деяние становится преступлением (его стадией), причем заведомым субъективное отношение лица к содеянному назвать нельзя. Необходимо помнить, что лицо может отказаться от доведения преступления до конца и не подлежать уголовной ответственности.

Во исполнение незаконного приказа возможно совершение только умышленного деяния, неосторожность в данном случае исключается.

Действительно, явность включает в себя заведомость. Ведь явность – это то, что «не подлежит сомнению, или спору» вообще. То, что «совершенно очевидно» вне временного контекста¹. Преступность приказа может быть явной для лица как до его исполнения (и в этом случае она совпадает с заведомостью), так она может стать, по сути, «озарением», то есть сделаться очевидной для лица в процессе исполнения приказа.

Примечательно, что о «явности» преступности приказа шла речь еще в ст. 44 Уголовного Уложения 1903 года. В теории на понимании именно явности для исполнителя преступного приказа настаивал еще Н. С. Таганцев, допуская ответственность исполнителя только «в случае явной преступности приказа»².

Исполнителю, зачастую не обладающему обширными и (или) глубокими юридическими познаниями, трудно дать верную уголовно-правовую оценку полученного приказа (например, при неочевидном превышении должностных полномочий).

Если должностное лицо, выполняя обязательный для него приказ или распоряжение, превышает полномочия, но не осознает этого, вопрос об ответственности за превышение должностных полномочий не возникает в силу отсутствия состава преступления. Если же лицо,

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти томах. Т. 4. – М. – Л., 1955. С. 140.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: В 2 т. – М., 1994. Т. 1. С. 214.

выполняя незаконный приказ или распоряжение, явно превышает должностные полномочия, уголовная ответственность за это (превышение полномочий) наступает на общих основаниях.

Получившая закрепление в уголовном праве большинства зарубежных государств так называемая «доктрина умных штыков», оказала влияние на включение в текст УК РФ ст. 42. Ее значение состоит в том, «что лица, состоящие на службе в вооруженных отрядах государственной власти, не должны слепо повиноваться указаниям своих начальников, а обязаны отказаться под угрозой наказания исполнять явно незаконный приказ»¹. Эта доктрина закреплена в ряде международных правовых актов, например, п. 3 ст. 2 Конвенции 1984 г., запрещающей пытки и п. 26 Основных принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами, действующими по поддержанию правопорядка 1990 г. Нашла она свое отражение и во внутреннем законодательстве: п. 5 ст. 20 и п. 2 ст. 21 Закона о полиции Эстонии 1990 г., ст. 58 Закона о полиции Польши 1990 г. Отдельные положения доктрины содержатся и в российских законах, например, ч. 2 ст. 30 Закона о полиции, ч. 3 ст. 14 Закона об оперативно-розыскной деятельности. Однако в Законе о ФСБ и других силовых ведомств, а также в военном законодательстве² ее положения отсутствуют.

В этой связи вызывает интерес проблема, связанная с особенностями исполнения приказа или распоряжения применительно к деятельности органов внутренних дел. Согласно ч. 2 ст. 30 Закона о полиции «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции», «сотрудник полиции при выполнении служебных обязанностей подчиняется только непосредственному или прямому начальнику. Никто не имеет права вмешиваться в законную деятельность сотрудника полиции, кроме лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом. ... При получении приказа или распоряжения, явно противоречащих закону, сотрудник полиции обязан руководствоваться законом». Об этом же говорит п. 3 ч. 3 ст. 4. Закона о службе в органах внутренних дел: «обязательным для сотрудника органов внутренних дел является выполнение приказов и распоряжений руководителей (начальников),

¹ Арямов А.А. Правомерное причинение вреда: монография. – Челябинск, 2004. С. 308; Зимин В.П. Правомерное исполнение приказа: доктрина «умных штыков» // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 35–45.

² Так, например, ст. 16 Устава внутренней службы требует «беспрекословно выполнять приказы командиров (начальников)».

отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральному закону».

Возникает правомерный вопрос, как действовать в случае явно незаконного приказа (противоречит УК, УПК, Закону о полиции, и др.). Ответ должен быть категоричен – в полном соответствии с ч. 2 ст. 42 УК РФ, несмотря на потенциальную возможность привлечения к необоснованной дисциплинарной, и даже уголовной ответственности.

В соответствии с ч. 1 ст. 42 УК РФ не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконные приказ или распоряжение.

Исполнение обязательных приказов, распоряжений – неременное условие нормальной работы в любых сферах. Более того, в ряде областей деятельности беспрекословное, точное и своевременное исполнение приказов – залог успешной и безопасной их деятельности (транспорт, авиация, связь, военная служба и др.). Так, приказ командира (начальника) в армии – закон для подчиненного. Приказ должен выполняться беспрекословно, точно и в срок. Ряд статей УК РФ в разделе о воинских преступлениях предусматривает уголовную ответственность за неисполнение приказа начальника, за неповиновение ему.

Как указывалось выше, понятия «приказ» и «распоряжение» являются синонимами. При этом приказ представляет собой официальное властное (обязательное) указание начальника подчиненному выполнить какое-либо действие или воздержаться от его выполнения. В зависимости от нормативной основы приказа, характера действий, выполняющего приказ лица, приказ может издаваться в устной или письменной форме. Письменный приказ должен подписываться единолично начальником или коллегиально (например, начальником и главным бухгалтером). Обязательность приказа в отношении категорий граждан регулируется законами, уставами, правилами внутреннего распорядка и т.д.

Поскольку в ст. 42 УК РФ не определяется, какой приказ следует считать законным, а какой незаконным, то этот вопрос решается в каждом конкретном случае. В науке уголовного права приказ или распоряжение рассматриваются законными, если они не противоречат действующим нормативным актам и носят обязательный харак-

тер, что обеспечивается наступлением юридической ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной) в случаях их невыполнения¹.

Условиями правомерности приказа являются следующие положения:

а) приказ должен быть законным, издан надлежащим лицом, в пределах компетенции, надлежащим образом оформлен;

б) исполнитель должен быть подчиненным лицу, издавшему приказ, обязан подчиниться приказу;

в) исполнитель не должен выходить за рамки действий, определенных приказом;

г) исполнитель не должен нести ответственности за причиненный ущерб при исполнении законного приказа;

д) исполнитель наделяется правом, не выполнять заведомо незаконный приказ или распоряжение;

е) исполнитель не должен нести ответственности за отказ от исполнения заведомо незаконного приказа.

ж) исполнитель должен нести ответственность за исполнение заведомо незаконного приказа).

Следует отметить, что закон предусматривает уголовную ответственность на общих основаниях для исполнителя лишь тогда, когда он, во-первых, исполняет заведомо незаконный приказ, и, во-вторых, совершает при этом умышленное преступление.

Совершение преступления при нарушении условий исполнения приказа или распоряжения признается обстоятельством, смягчающим наказание (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

8. Значение института обстоятельств, исключающих преступность деяния, для повышения эффективности деятельности органов внутренних дел и других правоохранительных ведомств

Важнейшей задачей любого государства является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Решается она комплексно системой государственных органов, в числе которых особое место отводится органам внутренних дел, на которые

¹ См.: Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. Т. 1. С. 492.

возложены многочисленные обязанности по поддержанию правопорядка в стране.

Для сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ и других) задержание правонарушителей является прежде всего прямой и первостепенной обязанностью, возложенной на них рядом законов и иных нормативных актов. Согласно п. «о» ст. 63 УК РФ, обстоятельством, отягчающим наказание, является совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел.

Стратегически одной из основных функций органов внутренних дел всегда была и остается предупреждение и пресечение преступлений¹. Более кратко принято говорить о борьбе с преступностью. Законом о полиции (ч. 1 ст. 1) введен еще один, более нейтральный термин – «противодействие преступности».

Отметим, что в настоящее время можно выявить противоречия между Уголовным, Уголовно-процессуальным и Уголовно-исполнительным кодексами, а также законами, регламентирующими правоохранительную деятельность, в частности, Законом о полиции и Законом об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы².

В определенных ситуациях к лицам, совершившим общественно опасное посягательство и сохраняющим опасность для общества, приходится применять насилие в целях задержания, что порой влечет причинение вреда в виде телесных повреждений или даже смерти. В соответствии с нормами международного права, основаниями лишения жизни в таких случаях могут являться основания, связанные: со случаями самообороны или защиты других лиц от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения, влекущего за собой большую угрозу для жизни; имеющие целью арест лица, представляющего такую опасность, сопротивляющегося сотрудникам полиции; а также связанные с целью предотвращения побега лица, и лишь в тех случа-

¹ Пункт 2 ч. 1 ст. 2 («Основные направления деятельности полиции») Закона о полиции.

² См. подр.: Милюков С.Ф. Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения // Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М., 2008. С. 308–324; Никуленко А.В. Современные проблемы института задержания лица, совершившего преступление, в деятельности ОВД // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: мат. межд. науч.-практ. конф. в рамках Евразийск. науч. форума / под ред. В.Б. Малинина. – СПб., 2010. С. 152–157.

ях, когда менее решительные меры недостаточны для достижения этих целей¹. Предотвращение негативных последствий (уклонение от ответственности, совершение других преступлений или правонарушений), даже если для этого необходимо причинить серьезный вред, следует рассматривать как более значимую, нежели защиту неприкосновенности лица, совершившего преступление, ценность. С точки зрения социальной справедливости задержание с причинением вреда является правомерной и общественно полезной деятельностью.

Акцент именно на общественной полезности указанных действий позволит избежать неоправданного обвинительного уклона в оценке причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное посягательство, при его задержании. Это сыграет позитивную роль в повышении активности граждан и должностных лиц по задержанию преступников и иных правонарушителей. Именно такая гражданская активность позволяет в ряде случаев предотвратить преступление.

Следует подчеркнуть, что законодательство и следственно-судебная практика далеко не всегда лояльны к сотрудникам правоохранительных органов, которые применяют физическую силу, специальные средства и, тем более, огнестрельное оружие для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние.

Эта дискриминация ярко выражена и в законодательных нормах, регулирующих деятельность сотрудников полиции и других должностных лиц при применении оружия для необходимой обороны и задержания.

Сотрудники полиции при применении оружия находятся в значительно более стесненном положении, нежели остальные граждане. В связи с этим целесообразен отказ от запрета на применение оружия в отношении несовершеннолетних, женщин и инвалидов, что существенно повысит защищенность сотрудников полиции (ч. 5 ст. 23 Закона о полиции). Те же женщины и несовершеннолетние могут обладать большой физической силой, знать боевые приемы борьбы, иметь неоднократные судимости, состоять членами организованных преступных групп, в том числе террористического характера (так называемые «шахиды»). Что касается инвалидов, то явная инвалидность (отсутствие одного глаза, пальца на руке, хромота, глухота, немота и др.) несколько не мешают им совершать тяжкие и особо тяжкие преступления.

¹ Ст. 7 Декларации о полиции, принятой Парламентской Ассамблеей Совета Европы на 31-й очередной сессии в Страсбурге 8 мая 1979 г.

Ранее предлагалось привести в соответствие с положениями УК РФ ст. 15 Закона о милиции, исключив из ее пункта 4 слова «застигнутого», так как неоправданная узость содержания данного термина не давала сотруднику органов внутренних дел права применить оружие в отношении лица, ранее совершившего преступное деяние, но не застигнутого на месте его совершения¹. Это предложение не потеряло своей актуальности применительно к п. 4 ч. 1 ст. 23 Закона о полиции, повторяющего ошибки прежнего законодательства. Исходя из формулировки Закона о полиции, сотрудник должен сам быть непосредственным свидетелем противоправных действий, что встречается весьма редко (тем более с учетом резкого сокращения кадров низовых «рабочих» подразделений МВД).

Обычно на такое лицо указывают потерпевшие или другие свидетели. На основании полученных сведений, которые могут быть неточными, сотрудник полиции и осуществляет преследование и задержание виновного. Однако если в таких случаях все же будет применено оружие, то это обстоятельство (исходя из буквы закона) поставит сотрудника в положение нарушителя закона.

Требование о необходимости предупреждения правонарушителя о применении к нему оружия (ч. 1 ст. 19) нельзя признать обоснованным. В реальной жизни сотрудник полиции, выполняя эту установку, нередко попадает в явно невыгодные для него ситуации, что чревато ущербом для его здоровья, жизни, а также повышает вероятность того, что задерживаемый скроется. Так, изучение материалов служебных проверок по фактам применения оружия, позволяет утверждать, что предупреждение о возможном применении оружия, в том числе производство предупредительного выстрела, в большинстве случаев не останавливает противоправных действий. Оно лишь дает правонарушителю некоторую дополнительную временную возможность скрыться. Кроме того, задерживаемые нередко находятся в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения и обнажение оружия сотрудниками вызывает лишь попытки завладения им.

Привлекает внимание запрет на применение огнестрельного оружия при значительном скоплении людей, когда от этого могут пострадать посторонние лица (ч. 6 ст. 23). В соответствии с этой нормой

¹ Каплунов А.И., Милюков С.Ф., Уткин Н.И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: СПб ун-т МВД России, 2001. С. 132.

применять оружие в местах, где находятся посторонние лица, запрещено вообще. Между тем понятие «значительное скопление людей» вполне можно истолковывать излишне расширительно, причем не в пользу сотрудника полиции. В судебно-следственной практике решение о правомерности действий в таких случаях будет зависеть не столько от конкретной обстановки, сколько от ее финальных результатов и усмотрения надзорных органов, так как позволяет объективно вменить в вину сотруднику полиции, применившему оружие, вред, причиненный посторонним лицам, независимо от обстоятельств применения оружия.

Мы вынуждены констатировать, что в настоящее время он (глава 5) выглядит еще более устаревшим. Тем более это становится очевидным на фоне появления новых «силовых» ведомств и законов, регламентирующих их деятельность, в том числе связанную с применением огнестрельного оружия¹.

В Законе о полиции (ст. 23) не содержится указаний на опасность личности преступника, решающую роль играет лишь опасность совершенного им деяния.

Еще одним явно дискриминационным условием является обязанность сотрудников полиции (ч. 6 ст. 19), применивших оружие, незамедлительно уведомлять начальника органа внутренних дел и прокурора о каждом случае его применения. По существу, сотрудник полиции должен в своем рапорте доказывать свою невиновность. Это является грубым нарушением принципа презумпции невиновности и запрета перелгать бремя доказывания на гражданина (ст. 14 УПК РФ).

Как говорят юристы, грань между необходимой обороной и ее превышением – достаточно тонкая. И последнее слово в таких спорах остается за судом.

¹ См., напр.: федеральные законы от 03.07.2016 № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», от 30.12.2015 № 468-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (внес изменения в порядок применения оружия сотрудниками ФСБ России. – прим. автора); закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 20.04.2015) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016); Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016).

И только в рамках расследования уголовного дела по факту причинения смерти или вреда здоровью определяется (к тому же запоздало и даже никогда) наличие или отсутствие всех признаков состава преступления и уголовное преследование в отношении оборонявшегося прекращается именно ввиду отсутствия в его действиях таковых признаков. Конечно, подобный алгоритм чреват вынесением неправомерного приговора в отношении оборонявшегося (задержавшего). Поэтому целесообразно, во всяком случае, по очевидным эпизодам, возбуждать уголовное дело в отношении посягавшего, а не оборонявшегося¹.

В свете сказанного исключительно важным является то, что положения Закона о полиции и других законодательных и подзаконных нормативных актов должны быть приведены в полное соответствие со ст. 37, 38 и др. УК РФ с тем, чтобы на сотрудников не просто формально распространялись нормы обо всех обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния, но делалось это без каких-либо изъятий и ограничений, чтобы реально, а не декларативно обеспечить главенствующую роль уголовного закона как правового фундамента борьбы с преступными и иными общественно опасными посягательствами².

Однако уже при первом ознакомлении с положениями гл. 5 Закона о полиции («Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия») видно, что он содержит в себе ряд недостатков.

Так, например, ч. 3 ст. 19 говорит о налагаемой на сотрудника обязанности стремиться минимизировать ущерб от применения физической силы, специальных средств и оружия. В стрессовых условиях задержания выполнение этой обязанности требует значительного умственного напряжения и порождает нерешительность сотрудника, чем наверняка воспользуется задерживаемый.

Часть 8 этой же статьи требует в 24-часовой срок представить рапорт об их применении, то есть доказать, что оружие применено правомерно. Это, как уже отмечалось, существенно ограничивает

¹ Предложения по указанной позиции см.: Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Современные проблемы правового регулирования обстоятельств, исключаяющих преступность деяния // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2. – 2008. – С. 765.

² См. об этом: Милуков С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Российское уголовное право: учебник / под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 1. С. 331–332.

права полицейского на защиту собственных интересов на стадиях возбуждения уголовного дела. Пункт 1 ч. 1 ст. 23 (применение огнестрельного оружия), гласящий, что «сотрудник полиции имеет право применять огнестрельное оружие ... для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья» (очевидно, что таковыми признаками в полной мере обладают лишь убийство и причинение тяжкого вреда здоровью) не учитывает, что правонарушитель может нанести существенный вред также собственности и другим правоохраняемым интересам. Часть 5 ст. 23 – все так же запрещает применять его в отношении женщин, несовершеннолетних и лиц с явными признаками инвалидности.

В качестве одного из оснований применения оружия (п. 4 ч. 1 ст. 23) выступает задержание лица, «застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пытающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным». В указанном пункте необоснованно забыты преступления, предусмотренные ст. 131 и 132 УК РФ, в том числе при отягчающих и особо отягчающих обстоятельствах. Жизни или здоровью (имеется в виду – тяжкий вред) изнасилование может и не угрожать (например, изнасилование несовершеннолетней (или малолетней), не оказывающей сопротивления ввиду сильного испуга)¹.

Частью 6 указанной статьи запрещается применять оружие при значительном скоплении людей, если в результате этого могут пострадать случайные лица. Здесь тоже не прописаны пределы оправданного риска.

В окончательную редакцию проекта Закона РФ «О полиции», направленного в Государственную Думу 27 октября 2010 г., не вошла предлагавшаяся ранее редакция ч. 5 ст. 32 – «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции» (в последнем варианте она сменила но-

¹ В этой связи нельзя не упомянуть направленный на усиление уголовной ответственности педофилов федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», который существенно увеличил размер наказания за половые преступления против лиц, не достигшим 14-летнего возраста, а также исключил для таковых возможность условного осуждения и практически свел на нет возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

мер на ст. 30), провозглашавшая, что «на деятельность сотрудника полиции распространяются нормы уголовного законодательства Российской Федерации о необходимой обороне, причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения».

Соответственно в тексте уже вступившего в законную силу рассматриваемого нормативного акта таковые основополагающие положения не получили закрепления. В результате, на законодательном уровне прямо ограничена сфера действия кодифицированного (и потому имеющего большую юридическую силу) нормативного акта – УК РФ и еще больше ограничены фундаментальные права сотрудников полиции¹. Отметим, что некоторые специалисты, тем не менее, считают, что нормы УК РФ и Закона о полиции, регламентирующие основания и порядок применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, вовсе не конкурируют, а взаимно дополняют друг друга².

Более того, некоторые видные ученые полагают, что «нормы «отраслевых» нормативных актов непосредственно и предметно регулируют служебную деятельность соответствующих лиц и по отношению к нормам уголовного закона являются частными. В соответствии с правилами разрешения коллизий (ч. 3 ст. 17 УК РФ) они являются приоритетными и подлежат применению в случае разрешения вредоносных ситуаций и при оценке случаев причинения вреда в ходе служебной деятельности»³.

С указанной позицией нельзя согласиться хотя бы в силу того, что сотрудники правоохранительных органов являются полноправными гражданами России и введение в их отношении столь значительных ограничений, причем отраслевым нормативным актом, про-

¹ См., подр.: Никуленко А.В. Перспективы развития института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат. VI Рос. конгр. уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М.: Проспект, 2011. С. 152–154.

² См., напр.: Цуканов Н.Н. О соотношении норм закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. – 2012. – №3. – С. 58–61.

³ Михайлов В.И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине: монография. – СПб., 2011. С. 173.

тиворечит не только здравому смыслу, но и Конституции Российской Федерации (ст. 19).

Обратимся теперь к другим нормативным актам. Закон об оружии ограничивает право на применение оружия гражданами лишь случаями необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 24). Таким образом, использовать оружие, в том числе огнестрельное оружие ограниченного поражения (т. н. – «травматику»), для задержания лица, совершившего преступление, нельзя. В течение более 20 лет действия данного закона и внесенных в него многочисленных изменений, данный пробел так и не был устранен, что серьезно ограничивает инициативу граждан, имеющих ныне на руках свыше пяти миллионов единиц зарегистрированного гладкоствольного и нарезного охотничьего огнестрельного оружия и около трех миллионов травматических устройств.

В продолжение темы обратимся к УК РФ (ст. 86) и Закону об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, ст. 31 которого регламентирует основания применения огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Говоря о ст. 86 УИК РФ отметим, что она по сути лишь констатирует возможность применения физической силы, специальных средств и оружия и согласно ч. 2 указанной статьи отсылает к другим нормативным актам¹. Главным из них является названный указанный закон, а точнее ст. 29, 30 и 31, устанавливающие основания и порядок применения физической силы, специальных средств и оружия. Многие положения указанных статей аналогичны вышеуказанным недостаткам Закона о полиции в плане их противоречия УК РФ.

В частности, это касается необходимости предупредить правонарушителя о намерении применить физическую силу, спецсредства или оружие, предоставив достаточное время для выполнения своих требований (заметим, правда, что сотрудник УИС вправе отступить от этого требования в случае непосредственной опасности жизни и здоровью). Необоснованным, как уже отмечалось выше, выглядит и требование обеспечить причинение вреда при их применении в минимальном объеме. Кстати, согласно п. 1 ч. 1 ст. 31 указанного Закона для применения оружия необходимо, чтобы защита осуществлялась от нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан, п. 5 той

¹ См. об этом подр.: Милюков С.Ф. Режим в исправительных учреждениях ... С. 308–324.

же части говорит о задержании лица, при совершении *тяжкого* преступления, игнорируя принятую еще в 1996 г. категоризацию преступлений (ст. 15 УК РФ).

Кроме того, применение указанных силовых мер ограничено территорией исправительных учреждений и прилегающих к их границам режимных участков (ч. 1 ст. 28). Хотя в том случае, если осужденный при побеге покинет пределы режимного участка, его преследование силами представителей уголовно-исполнительной системы зачастую нецелесообразно, так как сотрудники УИС не будут вправе применять соответствующие силовые меры для задержания беглеца.

Важное практическое значение имеет еще один нормативный акт – Устав патрульно-постовой службы милиции¹. Этот документ содержит положения, разумно ограничивающие конституционные права граждан, например, на свободу передвижения, частную жизнь и т. д. Одновременно он актуален в плане обеспечения личной безопасности сотрудника полиции. Кроме того, он обеспечивает реализацию положений уголовно-процессуального законодательства, так как фактическое задержание оформляется документально (с разъяснением всех прав и обязанностей задержанному) после доставления в орган внутренних дел, уполномоченным на это должностным лицом.

Согласно п. 23 Устава сотрудники подразделений патрульно-постовой службы при несении службы имеют право применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие для пресечения преступлений и *административных правонарушений*, задержания лиц, их совершивших, преодоления противодействия законным требованиям, если ненасильственные способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей в соответствии с Законом о полиции.

Следует отметить раздел «Особенности задержания и доставления в органы внутренних дел лиц, подозреваемых в совершении преступлений», п. 261–267 предписывают действиям наряда ППСП по задержанию.

«261. Патрульный (постовой) при выявлении подозрительных лиц устанавливает за ними наблюдение, не привлекая к себе внимания. Принимая решение о задержании и доставлении такого гражданина в органы внутренних дел, он должен четко уяснить правомерность своих действий, оценить свои возможности, наметить план за-

¹ Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции».

держания, определить наиболее удобный момент и тактический прием задержания. При этом необходимо учитывать:

261.1. Личность задерживаемого и возможные опасные последствия в случае, если он не будет задержан.

261.2. Вероятные осложнения при задержании, которые могут возникнуть, если со стороны задерживаемого, его сообщников и сочувствующих будет оказано сопротивление.

261.3. Возможность вооруженного сопротивления или нападения.

261.4. Основания и условия применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы.

262. Перед задержанием преступников и лиц, подозреваемых в совершении преступлений, особое внимание должно быть обращено на выяснение наличия у них огнестрельного или холодного оружия и обеспечение мер предосторожности.

263. В обязательном порядке наряд приводит в готовность свое оружие на случай необходимости его немедленного применения: кобура передвигается в удобное для извлечения оружия положение, пистолет снимается с предохранителя, патрон досылается в патронник.

264. Если необходимо произвести задержание группы подозреваемых в совершении преступления, патрульный (постовой) должен связаться с оперативным дежурным, соседними нарядами и запросить усиление, а также, по возможности, обеспечить поддержку со стороны граждан, не подвергая их опасности.

265. Место задержания преступника определяется складывающейся обстановкой и другими факторами, исключающими причинение вреда гражданам и сотрудникам патрульно-постовой службы, возможность правонарушителя скрыться.

Для обеспечения внезапности наряд незаметно приближается к задерживаемому, выбрав момент, когда он менее всего готов к оказанию сопротивления, подает команду: "СТОЙ. Руки ВВЕРХ" - и объявляет о задержании.

266. Во избежание сопротивления в отдельных случаях задерживаемым не сообщаются действительные основания задержания, а используются отвлекающие предлоги – нарушение общественного порядка, переход улицы в неположенном месте, проверка паспортного режима, карантин и тому подобное. В этих случаях команда «СТОЙ. Руки ВВЕРХ» не подается.

В зависимости от обстоятельств наружный досмотр одежды и вещей, находящихся у задержанных, производится немедленно или в более удобный момент, когда можно получить помощь от других сотрудников полиции или граждан (в ред. приказа МВД России от 11.03.2012 № 160).

Обнаруженное оружие и другие предметы, которые могут быть использованы для оказания сопротивления, нападения на наряд или побега, немедленно изымаются.

267. При проверке документов и опросе подозреваемого патрульный (постовой) должен стоять вполоборота в одном шаге от проверяемого и быть готовым к отражению нападения».

Еще одним, заслуживающим внимания, нормативным актом выступают «Правила применения оружия должностными лицами специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания»¹, которые предоставляют им несколько больше прав, чем сотрудникам полиции и более четко регламентируют основания и порядок применения оружия. Так, например, Правилами разрешено применение не только служебного оружия, но также разрешенного в качестве служебного гражданского оружия самообороны и охотничьего огнестрельного оружия.

Согласно ст. 2, «...Должностные лица имеют право на применение служебного оружия при исполнении должностных обязанностей при осуществлении охраны объектов животного мира и среды их обитания в следующих случаях: б) задержание лиц, оказывающих вооруженное сопротивление либо отказывающихся выполнить законные требования должностного лица о сдаче оружия ...». Указанный пункт, на наш взгляд, представляет собой априори ситуацию необходимой обороны для должностного лица, однако оно вправе стрелять на поражение только после предупреждения о намерении применить оружие и, предоставив при этом лицам достаточно времени для вы-

¹ Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 № 491 «Об обеспечении служебным оружием и специальными средствами должностных лиц специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания». (Нашу критику содержания данного акта см.: Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Применение огнестрельного оружия при охране объектов животного мира и среды их обитания // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 26–32; Они же. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 41–47.)

полнения требований – ст. 5. Тем самым дается изрядная фора браконьерам, многие из которых хорошо владеют огнестрельным и холодным оружием, прекрасно знают местность и враждебно настроены к сотрудникам экологической охраны и полиции.

Правилами предусмотрен тот же запрет на применение служебного оружия в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности и несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, за исключением случаев, когда они оказывают вооруженное или групповое сопротивление должностным лицам или совершают вооруженное или групповое нападение (ст. 7). Как показывает практика, среди браконьеров немало лиц, получивших в прошлом серьезные травмы при занятии своим ремеслом (черепно-мозговые травмы, хромота, одноглазие и т.п.), но от этого их опасность снижается зачастую незначительно.

Подводя итог, констатируем, что положения уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, должны распространяться на специально уполномоченных должностных лиц (в т. ч. сотрудников полиции и других правоохранительных органов) без каких-либо изъятий и дополнительной уголовно-правовой регламентации. В связи с этим требуется глубокая реконструкция норм, содержащихся в УИК РФ, Законе о полиции и других базовых для «силовых» министерств и ведомств законодательных и подзаконных актов.

9. Убийство при превышении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние

В ст. 108 УК предусмотрена ответственность за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Диспозиция указанной статьи фактически носит ссылочный характер, так как понятие убийства в ней не раскрывается, а признаки превышения мер, необходимых для обороны или задержания лица, указываются в статьях 37, 38 УК РФ.

Несмотря на социально полезный характер действий по задержанию преступника, законодатель предусматривает все же повышенную, по сравнению с необходимой обороной, ответственность. Это

обстоятельство может стать дополнительным сдерживающим фактором для проявления гражданской инициативы по задержанию лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Как отмечается, почти 70% задержаний осуществляется сотрудниками полиции, за обычными гражданами остается чуть более 25% указанных актов¹. К поведению последних в этих ситуациях вряд ли можно применять повышенные требования.

Для того чтобы безошибочно квалифицировать содеянное, прежде всего следует проанализировать состав преступления, предусмотренный ч. 1 и 2 ст. 108 УК РФ, его элементы и признаки. По справедливому высказыванию С.В. Бородин, «для обоснованного привлечения к уголовной ответственности и правильной квалификации необходим тщательный анализ каждого признака состава преступления (объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны) и их совокупности на базе диспозиции соответствующей нормы Особенной части УК и исследуемого деяния. Поверхностный подход к такому анализу приводит к ошибочным решениям»².

Большинство правоведов считает, что *объектом* преступления являются общественные отношения, а при любом убийстве – это жизнь другого человека³. Потерпевшим признается человек как биологическая единица, а применительно к ст. 108 УК – посягающий или лицо, совершившее преступление⁴.

Рассматривая указанный состав преступления, особое внимание следует уделить *объективной стороне*⁵, так как именно она является

¹ Пашнин А.Н., Пронина М.М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: монография. – Челябинск, 2006. С. 3–4.

² Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 47–48.

³ См. подр.: Зубарев С.М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – М., 2008. С. 188; Лукьянов В.В. Преступления против жизни // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. – СПб., 2010. С. 127.

⁴ См. подр.: Калис Е.Б. Преступления против жизни / Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. СПб., 2010. С. 16–17; Питулько К.В., Коряковцев В.В. Уголовное право. Особенная часть. – СПб., 2010. С. 8–24.

⁵ См. подр.: Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления: монография. – СПб., 2004. – 301 с.; Малинин В.Б. Объективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 237–502; Уголовное право ФРГ: учебник. 35-е изд., с доп. и изм. / Й. Вессельс, В. Бойкле / под ред.

наиболее очевидным проявлением преступления в окружающей действительности, и неправильное ее установление, как и других элементов состава преступления, влечет серьезные ошибки в правоприменении.

Прежде всего следует отметить, что убийство, при превышении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания правонарушителя, фактически возможно только в форме действия. Практически невозможно, на наш взгляд, превысить пределы правомерности необходимой обороны или задержания, не реализуя возложенных на виновного полномочий. Наоборот, излишне ревностное, чересчур активное выполнение таковых может повлечь за собой уголовную ответственность. Только теоретически при наличии соучастия некоторые из соучастников (например, руководитель подразделения полиции) может вести себя пассивно, не препятствуя причинению излишнего вреда подчиненным.

Общественно опасные действия представляют собой активное физическое воздействие на задерживаемого и выражаются в применении виновным физической силы (например, нанесение ударов кулаками или ногами, в том числе, в определенные болевые точки; удушающие или боевые приемы борьбы; броски и толчки и т. п.).

В процессе задержания может применяться табельное или нетабельное оружие, взрывные устройства, специальные средства или всевозможные иные предметы, используемые в качестве оружия. Это касается прежде всего сотрудников полиции, обладающих правом на ношение огнестрельного оружия и обязанных применять его в случаях, предусмотренных Законом о полиции, а также военнослужащих и сотрудников иных силовых ведомств. Неправомерное же его применение лицами указанной категории влечет различную юридическую ответственность, в том числе и уголовную.

Учитывая насыщенность силовых подразделений автотранспортными средствами, нельзя исключить их вредоносное применение (в т. ч. неправомерное) при задержании, особенно если преступник или иной правонарушитель скрывается на автомобиле или мотоцикле. Кроме того, не исключается применение и иных видов

Л.В. Майоровой. – Красноярск, 2006. С. 72–74; Уголовное право: Т. 1. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М., 2011. С. 215–247; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. С. 79–93.

транспорта, например, водного или воздушного, а также кавалерийских подразделений.

В теории и правоприменительной практике сложилось ошибочное мнение о том, что в случаях нарушений сотрудниками милиции и других служб правоохранительных органов правил применения оружия всегда наступает правовая ответственность. Между тем такая ответственность в силу закона (ст. 39 УК РФ) может и не наступать, если сотрудник нарушает правила применения оружия в состоянии крайней необходимости, когда причиняемый им вред в таком состоянии является менее значительным по сравнению с предотвращенным вредом и не нарушены другие условия правомерности акта крайней необходимости¹. В частности, имеются в виду случаи, когда полицейский, находясь в состоянии необходимой обороны, применяет оружие в условиях скопления людей, нарушая тем самым запрет на его применение в многолюдном месте, где от этого могут пострадать посторонние лица. Такой подход к данной проблеме представляется весьма продуктивным, так как открывает возможности более адекватной оценки ситуации необходимой обороны и задержания с позиций не одного, а двух и более правовых институтов, исключающих общественную опасность деяния.

Кроме того, в соответствии с Законом о полиции (п. 2 ч. 1 ст. 21) сотрудники полиции вправе применять для пресечения административных правонарушений специальные средства, виды которых законодательно закреплены ч. 2 указанной статьи: палки специальные, специальные газовые средства, средства ограничения подвижности и средства сковывания движения, специальные окрашивающие и маркирующие средства, электрошоковые устройства, светошочковые устройства, световые и акустические специальные средства, служебные животные, средства принудительной остановки транспорта, водометы, бронемашины, средства разрушения преград, средства защиты охраняемых объектов (территорий), блокирования движения групп граждан.

Примечательно, что согласно ст. 18 указанного закона, «в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудник полиции при отсутствии у него спецсредств или огнестрельного оружия

¹ Побегайло Э.Ф. Проблемы необходимой обороны // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. – М., 2010. С. 334–335.

вправе использовать любые подручные средства, а также применять не состоящее на вооружении полиции оружие».

В данных ситуациях сотрудники полиции объективно не могут предугадать все возможные последствия, которые могут быть значительно более ущербными для человека, чем даже при применении огнестрельного оружия. Заметим еще раз, что указанные «спецсредства» могут применяться в отношении лиц, совершивших только административные правонарушения, такие как неостановка по требованию сотрудника полиции. Это весьма актуализирует поднимаемую в настоящей работе проблему расширения объема действия ст. 37, 38 УК РФ¹.

Согласно п. 9 ч. 2 ст. 21 Закона о полиции (применение специальных средств), средства принудительной остановки транспорта могут применяться в случаях, предусмотренных п. 9 и 11 ч. 1 данной статьи, а именно: невыполнения лицом, управляющим транспортным средством, требования сотрудника полиции об остановке и для защиты охраняемых объектов, блокирования движения групп граждан, совершающих противоправные действия.

Закон о полиции требует более гибкого подхода в обеспечении правопорядка. И, несмотря на то, что спецподразделения вызываются только в экстренных случаях, когда уже «обычная» полиция не в силах контролировать ситуацию, бездумно махать палками все равно не позволено. Использовать силовые методы можно только в самом крайнем случае.

Применение специальных или подручных орудий и средств при совершении преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ, в большинстве случаев не будет влиять на квалификацию. В то же время применительно к сотруднику правоохранительных органов может идти речь и о превышении должностных полномочий с применением оружия или специальных средств (п. «б» ч. 3 ст. 286).

¹ Так, например, депутатом Государственной Думы РФ А.А. Журавлёвым на рассмотрение внесен проект федерального закона «О внесении изменений в статью 23 Федерального закона «О полиции», а именно часть первую указанную статью дополнить пп. 8 следующего содержания: «8) для пресечения действий и задержания лица, производящего беспорядочные выстрелы (выстрел) из огнестрельного оружия или оружия ограниченного поражения, если данные действия не сопряжены с самообороной, защитой жизни, здоровья или собственности третьих лиц» // Российская газета. – 2013. – 22 янв.

В указанных случаях необходимо «все обстоятельства учитывать с реальными уличными ситуациями, поскольку применение оружия гражданами в установленных законом случаях происходит, как правило, в сложных условиях конфликтной ситуации, вызывающих эмоциональные состояния, которые резко сужают деятельность интеллекта и поражают волю. В таких условиях защищаемому довольно сложно с самого начала точно определить, представляет ли общественно опасное деяние и в какой степени угрозу для его жизни или здоровья, то есть предугадать, какие наступят последствия – смерть или тяжкие телесные повреждения. Трудно, далее, предугадать последствия, которые могут наступить от выстрела из оружия в момент его производства, и сопоставить их с угрожающим вредом»¹. Это относится в полной мере и к ситуациям задержания, особенно возникающим вслед за посягательством.

«В тех случаях, когда в ситуации задержания преступника должностные лица правоохранительных и контролирующих органов превышают меры, необходимые для задержания, и причиняют смерть задерживаемому, ответственность наступает по ч. 2 ст. 108 УК РФ, а не за превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ)»².

Необходимо учесть, что обязательным признаком данного состава преступления являются общественно опасные последствия в виде смерти потерпевшего, а это подразумевает и установление причинной связи между совершенным общественно опасным деянием и смертью потерпевшего.

Следует отметить, что установление причинной связи по делам о преступлениях с материальным составом вызывает подчас определенные трудности³. Причинная связь между действиями виновного и

¹ Водяницкий В.А. Применение огнестрельного оружия гражданами в состоянии необходимой обороны // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: мат. межд. науч.-практ. конф. / под ред. В.Б. Малинина. – СПб., 2010. С. 40.

² См. подр.: Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. – Т. 2. С. 96.

³ См., напр.: Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Проблемы причины и причинной связи в институтах общей и особенной части отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики. – СПб., 2003. – 791 с.; Малинин В.Б. Объективная сторона преступления // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. СПб., 2009. С. 210–224.

наступившими последствиями должна быть закономерной, объективной.

Так, если смерть наступила не в результате физического воздействия виновного (неглубокий порез кожи), а, например, вследствие обильной кровопотери из-за плохой свертываемости крови, необходимая причинная связь отсутствует и такие последствия нельзя вменить в вину.

Как отмечает С.В. Бородин, «в отличие от других признаков объективной стороны убийства причинная связь не всегда очевидна. Нередко ее установление по делам об убийстве на практике встречает трудности, которые объясняются тем, что иногда не учитывается конкретная обстановка, в которой было совершено преступление»¹.

Обстановка², в которой совершается рассматриваемое привилегированное убийство, является обязательным и чрезвычайно важным для правильной квалификации, признаком объективной стороны. Она характеризуется тем, что одно лицо пытается обороняться или задержать другое, совершившее преступное или иное общественно опасное деяние.

При задержании, последнее, в свою очередь, уклоняется от этого различными способами, например, такими как бегство, передвижение на автомобиле или другом транспортном средстве, отказ следовать за задерживающим и др.

Следует отметить, что сопротивление при задержании может быть только пассивным (ненасильственным), например, задерживаемый упирается, хватается руками за неподвижные предметы, запирается изнутри в помещении, салоне транспортного средства и др. Словесный или конклюдентный отказ пройти в органы власти следует расценивать лишь как неповиновение. В случае если задерживаемый начинает оказывать активное сопротивление, то есть агрессивное противодействие, например, отталкивает задерживающего, наносит ему удары, преграждает путь ему или его транспортному средству, подобные действия следует пресекать, руководствуясь уже правилами

¹ См.: Бородин С.В. Преступления против жизни. – М., 1999. С. 48.

² См. подр.: Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления: монография. – СПб., 2004. С. 131. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Факультативные признаки объективной стороны преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 473-496.

ми о необходимой обороне¹. Так же следует пресекать угрозы и оскорбления со стороны задерживаемого.

К числу обстоятельств, характеризующих обстановку задержания и имеющих правовое значение, следует относить различные факторы, в том числе интенсивность и способ оказываемого задерживаемым лицом сопротивления (включая ненасильственное), количество задерживаемых и задерживающих, состояние их здоровья, вооруженность задерживающих и (или) обеспеченность их специальными средствами, время задержания (день, ночь), место задержания (оживленная улица, парадная в доме или пустынное место), объективная возможность применения других, более мягких и безопасных для задерживаемого способов и средств его блокирования и доставления в органы власти и иные обстоятельства². Указанные обстоятельства характеризуют обстановку задержания, и скрупулезный их учет определяет вынесение правосудного решения о наличии или отсутствии в действиях задерживающего превышения пределов мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Например, в условиях длительного (многочасового или даже многодневного) преследования решающее значение приобретает запас продуктов, горючего, техническое состояние транспорта и даже наличие возможности для отдыха.

Пункт 22 постановления Пленума от 27 сентября 2012 г. предлагает: «Под обстоятельствами задержания (обстановкой задержания), которые должны учитываться при определении размеров допустимого вреда, следует понимать все обстоятельства, которые могли повлиять на способность к задержанию с минимальным причинением вреда задерживаемому лицу с одновременным пресечением возможности совершения им новых преступлений (место и время преступления, непосредственно за которым следует задержание, количество, возраст и пол задерживающих и задерживаемых, их физическое развитие, вооруженность, наличие сведений об их агрессивном поведении, вхождении в состав банды, преступного сообщества (преступной организации), террористической организации и т. п.)».

¹ См. об этом: Милуков С.Ф. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право России: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. С. 478.

² Подр. см.: Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. – Харьков, 1986. С. 38; Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. – СПб., 2005. С. 126–127.

Следует констатировать, что следственные органы не всегда учитывают эти обстоятельства, да и в целом ситуацию совершения преступлений. Именно поэтому потерпевший или другое лицо, оказывающее противодействие преступнику – необходимую оборону, или по окончании посягательства, осуществляющий задержание преступника зачастую сам оказывается в положении подозреваемого, обвиняемого и даже подсудимого, причем не всегда по привилегированным составам преступлений против жизни и здоровья.

Согласно ч. 2 ст. 38 УК РФ, превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

В учебной литературе по-разному оценивают соответствие характера и степени общественной опасности совершенного лицом преступления характеру и степени причиненного ему при задержании вреда. Нельзя, например, лицу, совершившему кражу, при задержании причинять тяжкий вред здоровью и тем более лишать его жизни, ибо это явно не соответствует характеру и степени общественной опасности кражи. Однако если обстоятельства задержания таковы, что создается угроза жизни гражданам, осуществляющим задержание (например, вор оказывает вооруженное сопротивление), то применение адекватных мер к лицу, совершившему кражу, допустимо и обоснованно. Совершенно очевидно, если «вор оказывает вооруженное сопротивление», то вряд ли он вор, (скорее разбойник), к тому же налицо уже состояние необходимой обороны, причем такой, в ходе которой обороняющийся вправе причинить любой вред посягающему.

Однако только кража без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 158 УК РФ), согласно действующему уголовному законодательству, относится к преступлениям небольшой тяжести, а квалифицированная и особо квалифицированная кража – к средней тяжести и тяжким преступлениям. Смерть при задержании в таком случае, причинять скорее нельзя, однако причинять вред здоровью вплоть до тяжкого, *при определенных обстоятельствах*, можно и даже необходимо для достижения целей задержания.

«Следует иметь в виду, что лишение жизни преступника, пытающегося скрыться или иным образом уклониться от задержания, мо-

жет быть признано правомерным только в случаях совершения им убийства, бандитизма, похищения человека, захвата заложника, терроризма, разбоя, изнасилования и другого тяжкого преступления, преимущественно насильственной направленности. Только в этих случаях можно констатировать, что предпринимаемые по задержанию меры соответствуют характеру и опасности совершенного задерживаемым преступления»¹. Это относится и к иным особо тяжким преступлениям, в том числе *ненасильственного характера* (например, государственная измена, шпионаж, организация наркотрафика, ненасильственная педофилия, финансирование терроризма и т. д.).

Сугубо формализованный подход не может быть полностью применим ко всем ситуациям задержания, тем более что не только обычные граждане, но и квалифицированные сотрудники полиции не в состоянии мгновенно определить, к какой категории относится то или иное преступление. Формализм в данном случае с большой долей вероятности может быть использован следственными и судебными органами, которые не будут стремиться выяснить полную картину обороны или задержания, а воспользуются текстом уголовного закона. Кроме того, в определенных случаях суд вправе «задним числом» изменить категорию преступления в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ.

Говоря о времени совершения преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ, то оно ограничено наличием посягательства или правом на задержание указанного лица, которое определяется с учетом положений ст. 78 УК – давность привлечения к уголовной ответственности. Однако истечение сроков давности привлечения к уголовной или административной ответственности задерживаемого само по себе не может служить достаточным основанием для привлечения задерживаемого к уголовной ответственности. В мыслимом большинстве случаев такое заблуждение является извинительной юридической ошибкой. Преступление считается оконченным с момента наступления смерти задерживаемого. Теоретически возможно приготовление к нему, которое, однако, не образует состава преступления в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ. Покушение формально противоправно, но в силу ч. 2 ст. 14 УК ввиду малозначительности не являет-

¹ Побегайло Э.Ф. Преступления против жизни // Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2000. Т. 2. С. 60; Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 2. С. 95.

ся преступлением. Поэтому ставить вопрос о добровольном отказе не имеет смысла.

Субъективная сторона представляет собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления¹. В ч. 2 ст. 38 УК РФ прямо указывается, что превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Цель задержания – доставление в органы власти, однако нельзя не признавать в нынешних условиях другую цель – пресечение новых преступлений – самостоятельной, наряду с доставлением в органы власти, поскольку игнорируется воля законодателя и необоснованно сужается сфера действия рассматриваемого института, что чревато ущемлением прав лица, задерживаемого преступника и другого причинителя общественно опасного вреда.

Помимо прямо закрепленного в УК РФ деления умысла на виды, следует учитывать известные науке уголовного права иные виды умысла, которые в некоторых случаях определяют окончательную квалификацию содеянного. Так, по моменту возникновения различают заранее обдуманый и внезапно возникший умысел. На наш взгляд, ситуациям задержания чаще всего присущ последний, так как задержание зачастую происходит в стрессовых, внезапно возникающих ситуациях, что также позволяет назвать таковой умысел неопределенным (неконкретизированным)². Заранее обдумать и конкретизировать умысел по отношению к лицу, которое стремится избежать задержания (то есть ждет активных действий от задерживаемого и само готово к ним), скорее возможно в случаях проведения плановых оперативных мероприятий по поиску и (или) изъятию правонаруши-

¹ См.: Пионтковский А.А. Субъективная сторона состава преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник. – М., 1938. С. 270–283; Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974; Рарог А.И. Общая теория вины. – М., 1980; Лунеев В. В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. – 70 с.; Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. – М., 2001. – 212 с.; Он же. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2003. – 304 с.; Он же. Субъективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. С. 629–787; Вандышев В.В. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. С. 233–283.

² Подр. о видах умысла см., напр.: Энциклопедия уголовного права. Т. 4. СПб., 2005. С. 686–693.

теля в известном или предполагаемом месте при достаточном количестве групп силовой поддержки.

Мотивы и эмоциональное состояние лица, совершившего убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, на квалификацию влияния не оказывают. Однако если преступление было совершено в состоянии аффекта (в частности, потерпевшим, его близким или другим очевидцем преступления), это обстоятельство следует учитывать при назначении наказания. Так же надо расценивать другие, преимущественно извинительные, мотивы причинения смерти правонарушителю.

Субъектом преступления¹, предусмотренного ст. 108 УК РФ, является вменяемое, физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-ти лет, то есть субъект общий.

Однако следует отметить, что действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за рассматриваемый вид убийства с 16- лет. Тем самым блокируется применение ст. 108 УК к лицам в возрасте 14–15-ти лет. При этом по правилам конкуренции общей и специальной норм к ним применима как первая, так и вторая части ст. 105 УК РФ.

Действия сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред с превышением мер, необходимых для задержания, не требуют, как уже отмечалось выше, дополнительной квалификации по ст. 286 УК РФ². Примечательно, что постановление Верховного Суда РФ обходит стороной указанное обстоятельство.

¹ Подр. о субъекте см.: Меньшагин В.Д. Субъект преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник. – М., 1938. С. 256–270; Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. – М., 1946. С. 97 и др.; Орлов В.С. Субъект преступления по советскому головному праву. – М., 1958; Левицкий Г.А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1964; Лазарев А.М. Субъект преступления. – М., 1981; Устименко В.В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989; Назаренко Г.В. Невменяемость. – СПб., 2002; Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб., 2001. – 318 с.; Он же. Субъект преступления // Энциклопедия уголовного права.. Т. 4. С. 503–628; Максимов С.В. Субъект преступления // Российское уголовное право: учебник / под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 1. С. 195–201; Топильская Е.В. Субъект преступления // Уголовное право России: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. С. 284–314; Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. – СПб., 2011. – 374 с.

² См.: Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. – М., 1976. С. 68; Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика. – М., 2003. С. 60; Динека В.И. Должностные

Если представитель власти применил физическую силу к правонарушителю и при этом допустил причинение ему вреда, не соразмерного силе оказываемого сопротивления, то эти действия не могут быть предметом анализа состава превышения должностных полномочий. В зависимости от степени тяжести причиненного вреда здоровью правонарушителя это могут быть действия, связанные с превышением мер, необходимых для задержания лица (ст. 108, 114 УК РФ).

Обратимся, наконец, к санкции данной нормы – наказываемся ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок. Заметим, что санкции ст. 108 дважды в 2011 г. подверглись изменениям¹. В марте 2011 г. в часть первую было введено наказание в виде исправительных работ, а в декабре обе части дополнены наказанием в виде принудительных работ. Следует обратить внимание, что указанные дополнения не привнесли чего-либо кардинального в наказуемость данного преступления, а лишь расширили и без того альтернативную санкцию. Однако, в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, указанный состав преступлений (имеется в виду часть вторая) стал преступлением небольшой тяжести, но это уже благодаря изменениям в ст. 15 УК РФ, согласно которой к ним относятся преступления с максимальным сроком наказания до трех лет лишения свободы. По сравнению с ч. 1, где предусмотрено наказание за превышение пределов необходимой обороны, сроки наказания в виде лишения свободы изменены на один год в большую сторону.

Состав данного преступления является привилегированным, так как санкцией предусмотрены значительно меньшие сроки и размеры наказаний, чем за аналогичные преступления (убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) при отсутствии рассмотренных обстоятельств.

преступления по уголовному праву России: монография / под ред. Н.И. Ветрова. – Ставрополь, 1999. С. 202, 204; Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. – М., 2000. С. 42; Волженкин Б.В. Служебные преступления. – СПб., 2005. – 560 с.; Он же. Квалификация преступлений // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. С. 57-61; Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009. – 20 с.

¹ См.: федеральные законы от 07.03.2011 № 26-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

Общественная полезность задержания ничуть не ниже значимости необходимой обороны. К тому же, для торжества справедливости и обеспечения превентивной функции уголовного законодательства, ничуть не меньше важна проблема неотвратимости уголовной ответственности, решить которую в настоящее время не представляется возможным без активных действий сотрудников правоохранительных органов и граждан по задержанию лиц, совершивших общественно опасные деяния.

Кроме того, заслуживает внимания предложение А.Ф. Истомина о разделении составов преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК РФ в две самостоятельные статьи. «Хотя это и близкие по своей социально-правовой природе преступления, но, несомненно, совершенно самостоятельные, имеющие свою особую специфику. Состав каждого из них по всем канонам законодательной техники должен быть сконструирован в отдельной, обособленной норме Особенной части УК РФ»¹.

10. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление

Ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны и за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление предусмотрена ч. 1 и ч. 2 ст. 114 УК РФ соответственно.

Указанные нормы являются привилегированными – специальными по отношению к нормам, предусмотренным ст. 111 и 112 УК РФ и содержит в себе два самостоятельных деяния – соответственно сопряженных с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, объединенных единым конструктивным признаком – об-

¹ Истомин А.Ф. Самооборона: право и необходимые пределы. – М., 2005. С. 201. (См. также: Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2011. С. 11.)

становкой необходимой обороны или задержания лица, совершившего преступление, иное правонарушение либо другое общественно опасное деяние.

Объектом данного преступления выступает здоровье.

Объективная сторона характеризуется совокупностью обязательных и факультативных признаков, к которым относятся: преступное деяние виновного; преступные последствия в виде тяжкого или средней тяжести вреда здоровью; причинная связь между деянием и наступившими последствиями; особая обстановка совершения преступления; определенное время совершения преступления.

Деяние выражается в поведении, направленном на причинение вреда здоровью потерпевшего. При необходимой обороне или задержании лица, совершившего преступление, виновный совершает активные действия. Процесс защиты от посягательства или задержания и используемые для этого способы предполагают совершение комплекса взаимосвязанных телодвижений, образующих общественно опасное поведение субъекта. Бездействием причинить вред в подобной обстановке практически невозможно за исключением бездействия отдельных соучастников.

Вред здоровью, совершенный с превышением пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, может быть причинен как непосредственным телодвижением виновного, то есть ударами кулаками, ногами, сбрасыванием с высоты, так и посредством использования каких-либо предметов, в том числе оружия, специальных средств, подручных предметов.

Говоря о последствиях, заметим, что они могут быть в виде тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Признаки тяжкого или средней тяжести вреда здоровью описываются в ст. 111 и 112 УК РФ. Диспозиции ч. 1 и 2 ст. 114 являются смешанными, так как содержит в себе признаки ссылочной и бланкетной¹ диспозиций. Она отсылает правоприменителя не только к положениям действующего УК РФ, но и к иным источникам права².

¹ См. подр., напр.: Боровиков Н.С. Бланкетные нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 22 с.; Сельский А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 32 с.

² См.: Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью чело-

Понятие «вред здоровью человека» в уголовном законе не раскрывается. Под вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды (п. 5 Медицинских критериев).

Общие признаки тяжкого вреда здоровью описываются в диспозиции нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 111 УК РФ¹. Вред здоровью средней тяжести определяется в ч. 1 ст. 112 УК РФ – это вред, не опасный для жизни человека и не повлекший последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавший длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть.

Согласно п. 4 Медицинских критериев, степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется в медицинских учреждениях государственной системы здравоохранения врачом – судебно-медицинским экспертом, а при его отсутствии – врачом иной специальности, привлеченным для производства экспертизы, в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, и в соответствии с Правилами и Медицинскими критериями. Иными словами, деяние будет квалифицировано на основе заключения судебно-медицинского эксперта, самостоятельные выводы правоприменитель вправе делать только на стадии возбуждения уголовного дела, да и то после консультации с врачом. В то же время следователь, государственный обвинитель, защитник и суд могут не согласиться с выводами эксперта ввиду его некомпетентности и (или) ангажированности. В таких случаях в соответствии со ст. 207 УПК РФ назначается повторная экспертиза.

века»; приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». (См. также: Комментарий к нормативным правовым документам, регуливающим порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Заславский Г.И., Клевно В.А., Колкутин В.В., Попов В.Л. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 213 с.)

¹ Степень утраты профессиональной трудоспособности определяется в соответствии с Правилами установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (утв. постановлением Правительства РФ от 16.10.2000 №789).

В случае причинения легкого вреда здоровью, побоев или причинения физической боли посягающему или задерживаемому лицу, совершившему преступление, деяние не образует состава преступления¹. Формально возможные приготовление и покушение на данное деяние состава преступления не образует ввиду отсутствия общественной опасности.

Необходимым условием наличия признаков состава преступления является установление причинной связи между действиями виновного и наступившими преступными последствиями.

Обстановка совершения преступления характеризуется тем, что действия виновного предпринимаются в условиях необходимой обороны или задержания лица, совершившего преступление, с превышением необходимых для этого мер. Содержание этих условий в целом совпадает с содержанием обстановки, рассматриваемой при анализе ч. ч. 1 и 2 ст. 108 УК, однако превышение необходимых для задержания мер имеет определенные особенности.

Зачастую обстановка задержания попеременно чередуется с обстановкой, характеризующей необходимую оборону, что предполагает дополнительные трудности в определении соразмерности вреда посягающим.

При решении вопроса о наличии или отсутствии в действиях задерживающего превышения необходимых для этого мер, приоритет следует отдавать важности общественных отношений, на которые совершено посягательство. Так, например, при задержании лиц, осуществивших посягательство на интересы личности (убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, преступления против свободы, насильственные половые и насильственные имущественные преступления, преступления против общественной безопасности, связанные с насилием (террористический акт, бандитизм) требуют более жестких мер задержания, чем, например, имущественные посягательства, совершенные без насилия (кража, мошенничество) или нетяжкие служебные преступления. На наш взгляд, в группу преступлений с наиболее значимыми объектами следует включить прежде всего те составы

¹ См., напр.: Побегайло Э.Ф. Уголовное право России: учебник для вузов / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. Т. 2. С. 85; Никулин С.И. Преступления против жизни и здоровья // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. С. 312; Орехов В.В., Пряхина Н.И. Преступления против здоровья // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. – СПб., 2010. С. 232.

преступлений, где в качестве дополнительного непосредственного объекта выступают жизнь, здоровье или половая свобода человека и, тем самым, допустить более жесткие меры по задержанию лиц, совершивших указанные преступления.

Субъективная сторона представлена умышленной виной и особыми целями причинения вреда.

Характеризуя субъективную сторону рассматриваемого преступления, следует обратить внимание, что в отличие от убийства, совершенного при превышении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания, допускается не только косвенный, но и прямой умысел¹. При этом, умысел может быть как заранее обдуманым (например, если тщательно подготавливается операция по задержанию и сознательно избираются чрезмерно жесткие методы воздействия на задерживаемого), так и внезапно возникший (когда, например, действует потерпевший или очевидец). И в том, и другом случае умысел, как правило, не конкретизирован. Однако сам факт применения физической силы и причинение физической боли задерживаемому (применение приемов борьбы, силовых захватов конечностей, а тем более огнестрельного оружия, резиновой палки, надевания наручников) признается задерживающим достаточно конкретно.

Наличие в данном случае прямого умысла у виновного на причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью не противоречит указанным в законе целям задержания. Прежде чем реализовать обозначенные цели необходимо задержать лицо, совершившее преступление.

Причинение по неосторожности тяжкого или средней тяжести вреда здоровью лица, совершившего преступление, при его задержании не образует состава данного преступления и не влечет уголовной ответственности. Данное деяние не может квалифицироваться и по ст. 118 УК, в которой, к тому же, предусмотрена ответственность исключительно за тяжкий вред здоровью.

Известные случаи произвольных выстрелов из табельного оружия должны рассматриваться как совершенные по неосторожности.

¹ См., напр.: Караулов В.Ф. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – М., 1996. С. 56; Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. – М., 2000. С. 53; Российское уголовное право / под ред. Э.Ф. Побегайло. Т. 2. С. 101; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. С. 301.

Случаи превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, нельзя квалифицировать по ч. 4 ст. 111 УК РФ¹. В этом случае, налицо совокупность двух преступлений – превышение пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания и причинение смерти по неосторожности.

Субъектом данного преступления признается физическое, вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16-летнего возраста. В связи с этим возникает проблема, аналогичная рассмотренной выше применительно к субъекту преступления, предусмотренного ст. 108 УК РФ. Чтобы исключить применение ст. 111 и 112 УК РФ к лицам в возрасте от 14-ти до 16-ти лет, необходимо сделать соответствующие оговорки в ст. 20 и тем самым разрешить имеющуюся коллизию норм в пользу задерживающего.

В случае совершения этого преступления должностным лицом правоохранительного органа, содеянное не может одновременно или взамен квалифицироваться по ст. 286 УК РФ по основаниям, изложенным в предыдущем параграфе.

Учитывая, что законодатель не счел нужным разделять на виды причинение вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в отдельных частях ст. 114 УК, а объединил два разных по своей юридической значимости, признака в одной диспозиции с общей санкцией, суд в настоящее время вынужден реализовывать принцип индивидуализации наказания за соответствующее преступление при вынесении приговора.

Следует отметить крайнюю пассивность органов предварительного расследования в полном и точном установлении истины по делу, выявлении всех фактов и обстоятельств получения гражданами телесных повреждений.

Это обстоятельство обуславливается несколькими факторами:

1. Низкий уровень правосознания и пассивность граждан в противодействии открытым проявлениям агрессии.

¹ См. также: Шишов О.Ф. Преступления против жизни и здоровья // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Арендаренко и др. – М., 1997. С. 237; Уголовный кодекс Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 1998. С. 274; Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. Е.В. Серегина. – М.: Юрайт-Издат, 2012. Т. 2. С. 48.

2. Низкая профессиональная подготовленность сотрудников правоохранительных органов, в том числе следственных подразделений, определяющая всесторонность и качество предварительного расследования.

Отметим, что криминологические исследования, проведенные НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ относят убийства уже к категории среднелатентных (!) преступлений. «Во всех странах главным ориентиром для определения законности и правопорядка является динамика убийств. Главным достижением наших правоохранительных органов в первое десятилетие XXI века всегда считалось значительное снижение числа зарегистрированных убийств. Если в 2001 году было официально зарегистрировано 34,2 тысячи убийств, то в 2009 – 18,2 тысячи. Но ученые, увы, утверждают обратное. Уровень убийств, рассчитанный в НИИ Академии Генпрокуратуры на основе многофакторной модели, все прошедшее десятилетие постоянно возрастал и составил в 2009 году не 18,2 тысячи (как в официальной отчетности), а 46,2 тысячи! И, действительно, как число убийств может составлять 18,2 тысячи, если только количество заявлений об убийствах, поступивших в правоохранительные органы, составило 45,1 тысячи, а количество неопознанных трупов за тот же год – 77,9 тысячи? Одновременно при этом число лиц, пропавших без вести, так и не найденных – 48,5 тысячи»¹.

Как следствие – невозбуждение уголовных дел или неправильная квалификация действий обороняющихся (задерживающих) граждан. Известные нам исследования уголовных дел о необходимой обороне достоверно демонстрируют следующее:

– проведенное в 60-х годах XX века изучение двухсот уголовных дел показало, что по 160-ти из них действия лиц, причинивших вред посягающему в состоянии необходимой обороны или с превышением ее пределов, следователи неправильно квалифицировали как умышленные преступления против личности²;

– проведенное Верховным Судом СССР выборочное изучение уголовных дел о необходимой обороне и превышении ее пределов и о

¹ Корсантия А. Латентность убийств в современной России // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 78–84. (См. также: Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. Иншакова. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 840 с.)

² См.: Научный комментарий судебной практики за 1969 г. / под ред. Е.В. Болдырева, А.И. Пергамент. – М., 1970. С. 195.

преступлениях против жизни и здоровья (1980–1982 гг.) показало, что из числа изученных каждое четвертое оказалось разрешенным неправильно¹;

– проведенное в 1991–1992 гг. изучение уголовных дел данной категории в Свердловской области показало, что лишь 8,3% были квалифицированы как превышение пределов необходимой обороны, по остальным применялись общие нормы о преступлениях против личности²;

– проведенное во Владимирской области в 1991–1997 гг. изучение уголовных дел, показало, что в 92,4% случаев на предварительном следствии действия оборонявшихся первоначально оценивались как умышленные тяжкие преступления³;

– проведенное исследование материалов судебно-следственной практики по делам о превышении пределов необходимой обороны в Калининградской области за 1991–2004 гг. и данные судебной статистики о числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 108 и 114 УК РФ за эксцесс обороны в Калининградской области в 2004–2007 гг. показало, что превышении пределов необходимой обороны действия оборонявшихся на предварительном следствии первоначально квалифицировались как умышленные тяжкие преступления против личности в 91% случаев⁴;

– постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»⁵.

3. Несовершенство норм действующего уголовного законодательства, регламентирующих право граждан на необходимую оборо-

¹ См.: Право на необходимую оборону (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1983. – № 3. – С. 16.

² См.: Мاستинский М.З., Семенов Д.Е., Юшкова Е.Ю., Юшков Ю.Н. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (по результатам обобщения следственной и судебной практики) // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 81.

³ См.: Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1998. С. 17.

⁴ Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: монография. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 5, 126.

⁵ Российская газета. – 2012. – 3 окт.

ну и условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние¹.

Поэтому удачные операции по задержанию опасных преступников, завершившиеся победой правоохранителей, известны, что называется, наперечет.

¹ См.: Турецкий Н.Н. Необходимая оборона. Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство. – Алматы, 2003. С. 22; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Рецензия на монографию «Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. (Дальневосточный федеральный университет.) – 2012. – № 1. – С. 84–93.

Заключение

Законодатель в Особенной части УК РФ ограничивается всего двумя статьями, предусматривающими уголовную ответственность за умышленное причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенные при превышении необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, неосновательно объединяя их с уголовно наказуемым превышением пределов необходимой обороны. В Общей же части УК РФ п. «ж» части 1 статьи 61 «Обстоятельства, смягчающие наказание» закреплено излишнее положение, согласно которому «совершение преступления при нарушении условий правомерности ...» признается обстоятельством, смягчающим наказание. Однако часть 3 указанной статьи не позволяет учитывать повторно данное обстоятельство, если оно предусмотрено в качестве признака преступления в соответствующей статье Особенной части УК.

Необходимо исключить упоминание о необходимой обороне и причинении вреда при задержании из ст. 61 УК, так как повторно они учтены быть не могут, но лишь порождают проблемы в правоприменении. Что касается других обстоятельств, перечисленных в п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК, то их наличие играет положительную роль при назначении наказания виновным в превышении пределов правомерности этих обстоятельств, поскольку соответствующих привилегированных составов преступлений в УК пока не содержится (что не исключает их появления в дальнейшем).

Санкции ст. ст. 108 и 114 УК в 2011 г. дважды подверглись изменениям¹. Указанные дополнения не приносят чего-либо революционного, а лишь расширяют альтернативы лишению свободы. В соответствии с Законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, состав части второй статьи 108 УК стал преступлением небольшой тяжести. По сравнению с ч. 1, где предусмотрено наказание за превышение пределов необходимой обороны, сроки всех наказаний повышены на один год.

Диспозиции и санкции частей первой и второй статей 108 и 114 УК нуждаются в корректировке. Целесообразно разделить составы преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 108 УК в две самостоятельные статьи УК. Такую же операцию произвести со ст. 114 УК, в

¹ См.: Федеральные законы от 07.03.2011 № 26-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ.

результате чего появятся ст. ст. 108¹, 114¹ и 114² УК РФ с предлагаемым нами содержанием.

Принятое 27 сентября 2012 г. постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» не исчерпало всех проблем, возникающих при применении норм об обстоятельствах, исключающих общественную опасность деяния. Поэтому в перспективе целесообразно разработать новый, более широкий документ, подвергнув его предварительной научной и общественной экспертизе.

В одном из пунктов предлагаемого постановления следует предусмотреть, что действия сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред с превышением пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, не требуют квалификации по ст. 286 УК РФ. В зависимости от степени тяжести причиненного вреда здоровью правонарушителя они должны быть квалифицированы по ст. ст. 108, 114 УК РФ.

Случаи причинение легкого вреда здоровью, побоев, умышленного уничтожения или повреждения имущества, ограничения свободы посягающего или задерживаемого лица, совершенных при нарушении условий правомерности необходимой обороны или причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, должны признаваться непроступными.

На современном этапе развития российского общества, государству следует всячески поощрять правомерную и общественно значимую и полезную деятельность граждан. Необходимо законодательно предусмотреть возможность вознаграждения со стороны государства для лиц, осуществивших общественно полезную деятельность по необходимой обороне и задержанию лиц, совершивших преступление, а также иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также за сообщения о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении и лицах, его учинивших.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные акты и официальные документы*

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Федеральный закон от 14.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 07.03.2018 №56-ФЗ).
4. Федеральный закон от 13.12.1996 №150-ФЗ «Об оружии» (в ред. от 07.03.2018 №39-ФЗ).
5. Федеральный закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2015 №266-ФЗ).
6. Федеральный закон от 27.05.1996 №57-ФЗ «О государственной охране».
7. Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 06.07.2016 №374-ФЗ).
8. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (в ред. от 07.03.2018 №56-ФЗ).
9. Закон РФ от 18.04.1991 №1026-1 «О милиции» (в ред. от 27.07.2010).
10. Постановление Правительства РФ от 30.06.2010 № 491 «Об обеспечении служебным оружием и специальными средствами должностных лиц специально уполномоченных государственных органов по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания».
11. Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».
12. Постановление Правительства РФ от 16.10.2000 №789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»
13. Указ Президента РФ от 14.10.2012 № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации».
14. Указ Президента РФ от 29.07.2011 № 1039 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495 и в уставы, утвержденные этим Указом».
15. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов вооруженных сил Российской Федерации».
16. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 «Об усилении ответственности за хулиганство» (в ред. указа Президиума Верх. Сов. СССР от 15.06.198;1 с изм., внес. указом Президиума Верх. Сов. СССР от

* Нормативные правовые акты РФ приводятся по информации официального правового портала pravo.gov.ru (дата обращения 01.03.2018).

15.10.1982) // Ведомости Верх. Сов. СССР. – 1981. – № 23. – Ст. 782; 1982. – № 42. – Ст. 793.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 №19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. 2012. 3 окт.

18. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 №14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1984. – № 5. – С. 3–6.

19. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 №11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1970. – № 1. С. 3–5.

20. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23.10.1956 «О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1956. № 12. С. 3–4.

21. Приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 №194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

22. Приказ МВД России от 29.01.2008 № 80 «Вопросы организации деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции».

23. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам / сост. Г.А. Есаков. – М.: «Проспект», 2010. – 448 с.

24. Право на необходимую оборону (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1983. – № 3. – С. 16.

25. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. – М., 1990.

26. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – № 25. – Ст. 36.

27. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Основы судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.: Юрид. лит., 1969. – 54 с.

28. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (1924 г.) // Уголовное законодательство СССР и союзных республик. – М., 1957.

Литература

1. Арямов А.А. Правомерное причинение вреда: монография. – Челябинск: Изд-во Татьяны Лурье, 2004. – 340 с.

2. Баулин Ю. В. К вопросу о профессиональном и хозяйственном риске в проекте Основ уголовного законодательства // Правовое государство. Вып. 1. – Тарту, 1989. – С. 56–60.
3. Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. – Харьков, 1986. – 243 с.
4. Боровиков Н.С. Бланкетные нормы в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 22 с.
5. Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
6. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционные, криминологические, уголовно-правовые и информационные аспекты. – М., 1999. – 293 с.
7. Босхолов С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового регулирования: автореф. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999. – 40 с.
8. Вандышев В.В. Субъективная сторона преступления // Уголовное право России: учебник / под ред. Г.Л. Касторского, А.И. Чучаева. – СПб., 2009. – 754 с.
9. Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. – М., 2000. – 816 с.
10. Водяницкий В.А. Применение огнестрельного оружия гражданами в состоянии необходимой обороны // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: мат. межд. науч.-практ. конф. / под ред. В.Б. Малинина. – СПб., 2010. – С. 67–70.
11. Волженкин Б.В. Квалификация преступлений // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. – СПб., 2010. – 1623 с.
12. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – СПб., 2005. – 560 с.
13. Волженкин Б.В. Уголовный кодекс России. Научно-практический комментарий / под ред. В.М. Лебедева. – М., 1998. – 896 с.
14. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. – Воронеж, 1974. – 243 с.
15. Динека В.И. Должностные преступления по уголовному праву России: монография / под ред. Н.И. Ветрова. – Ставрополь, 1999. – 260 с.
16. Жалинский А.Э. Институт крайней необходимости в немецком праве // Юридический мир. – 2003. – № 3. – С. 18–25.
17. Звечаровский И.Э. Советское уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб., 2001. – 100 с.
18. Зимин В.П. Правомерное исполнение приказа: доктрина «умных штыков» // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 35–44.
19. Зубарев С.М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.И. Радченко, А.С. Михлина. – М., 2008. – 704 с.

20. Игнатов А.Н. Комментарий к статье 42 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., испр., перераб. и доп. / под ред. А.И. Чучаева. – М., 2010. – 1032с.
21. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009. – 20 с.
22. Истомина А.Ф. Самооборона: право и необходимые пределы. – М., 2005. – 224 с.
23. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: теория и практика. – М., 2003. – 144 с.
24. Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М., 1997. – 415 с.
25. Кадников Н.Г. Теоретические и практические основы квалификации преступлений. – М., 1998. – 101 с.
26. Калис Е.Б. Преступления против жизни // Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. – СПб., 2010. – 444 с.
27. Кант И. Сочинения: в 6 т. Том 6. – М., 1966. – 743 с.
28. Каплунов А.И., Милюков С.Ф., Уткин Н.И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: учеб. пособие / под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: СПбУ МВД России 2001. – 272 с.
29. Караулов В.Ф. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – М., 1996. – 391 с.
30. Карпушин М. П. Проблемы уголовного права в оперативной и следственной практике органов государственной безопасности. – М., 1984. – 117 с.
31. Козаченко И.Я., Курченко В.Н., Злоченко Я.М. Проблемы причины и причинной связи в институтах общей и особенной части отечественного уголовного права: вопросы теории, оперативно-следственной и судебной практики. – СПб., 2003. – 791 с.
32. Комментарий к нормативным правовым документам, регулиующим порядок определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека / Заславский Г.И., Клевно В.А., Колкутин В.В., Попов В.Л. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008. – 40 с.
33. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. – М., 1999. – 824 с.
34. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. – СПб., 2002. – 348 с.
35. Корсантия А. Латентность убийств в современной России // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 84–94.
36. Кузьмин-Каратаев А.С. Военно-уголовное право. – СПб., 1895. – 316 с.
37. Куплевасский А.Д. О пределах повиновения незаконным распоряжениям и действиям должностных лиц // Юридический вестник. – 1889. – № 9. – С. 124–151.
38. Лазарев А.М. Субъект преступления. – М., 1981. – 63 с.

39. Левицкий Г.А. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – М., 1964. – 59 с.
40. Лесников Г.Ю. Уголовная политика // Энциклопедия уголовного права. Т. 1. – СПб., 2005. – 522 с.
41. Лукьянов В.В. Преступления против жизни // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. – СПб., 2010. – 1623 с.
42. Лунеев В. В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. – 70 с.
43. Малинин В.Б. Объективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. – СПб., 2005. – 798 с.
44. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления: монография. – СПб., 2004. – 301 с.
45. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Факультативные признаки объективной стороны преступления // Энциклопедия уголовного права. Т. 4. – СПб., 2005. – 798 с.
46. Мамайкин В. П., Щербаков В. Н., Яковлев В. В. Проблема оценки риска // Жизнь и безопасность. – 1996. – № 4. – С. 103–108.
47. Мастинский М.З., Семенов Д.Е., Юшкова Е.Ю., Юшков Ю.Н. Применение законодательства о необходимой обороне и превышении ее пределов (по результатам обобщения следственной и судебной практики) // Государство и право. – 1994. – № 3. – С. 80–89.
48. Меньшагин В.Д. Субъект преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник. – М., 1938. – 408 с.
49. Меркурьев В.В. Необходимая оборона: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1998. – 27 с.
50. Милюков С.Ф. Режим в исправительных учреждениях и средства его обеспечения // Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации: учебное пособие / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. – М., 2008. – 944 с.
51. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. – 279 с.
52. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Применение огнестрельного оружия при охране объектов животного мира и среды их обитания // Уголовное право. – 2011. – № 1. – С. 26–32.
53. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Рецензия на монографию «Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны» // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. (Дальневосточный федеральный университет.) – 2012. – № 1. – С. 84–93.
54. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 41–47.
55. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Современные проблемы правового регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российский ежегодник уголовного права. – 2007. – № 2. – 2008. – С. 764–796.

56. Михайлов В.И. Правомерный вред в уголовном законодательстве и правовой доктрине: монография. – СПб., 2011. – 200 с.
57. Михаль О., Власов Ю. Обстоятельства, исключают преступность деяния // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 53–58.
58. Назаренко Г.В. Невменяемость. – СПб., 2002. – 207 с.
59. Научный комментарий судебной практики за 1969 г. / под ред. Е.В. Болдырева, А.И. Пергамент. – М., 1970. – 208 с.
60. Никуленко А.В. Перспективы развития института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: мат. VI Рос. конгр. уголовного права (26–27 мая 2011 г.). – М.: Проспект, 2011. – С. 152–154.
61. Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2011. – 30 с.
62. Никуленко А.В. Современные проблемы института задержания лица, совершившего преступление, в деятельности ОВД // Государственная антикриминальная политика на евразийском пространстве: мат. межд. науч.-практ. конф. в рамках Евраз. науч. форума в Межрегиональном ин-те экономики и права / под ред. В.Б. Малинина. – СПб., 2010. – 152–157 с.
63. Никулин С.И. Преступления против жизни и здоровья // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник/ под ред. А.И. Рарога. – М., 2008. – 800 с.
64. Орехов В.В., Пряхина Н.И. Преступления против здоровья // Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, А.И. Бойцова. – СПб., 2010. – 1623 с.
65. Орешкина Т. Обстоятельства, исключают преступность деяния по действующему уголовному законодательству Российской Федерации // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право: материалы всерос. конф. – М., 2001. – С. 114–119.
66. Орешкина Т. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключает преступность деяния // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 33–38.
67. Орлов В.С. Субъект преступления по советскому головному праву. – М., 1958. – 260 с.
68. Павлов В.Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. – СПб., 2011. – 460 с.
69. Павлов В.Г. Субъект преступления. – СПб., 2001. – 318 с.
70. Пархоменко С. Уголовно-правовая регламентация превышения пределов крайней необходимости // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 49–50.
71. Пашнин А.Н., Пронина М.М. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: уголовно-правовая регламентация и ее совершенствование: монография. – Челябинск, 2006. – 136 с.
72. Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 2004. – 21 с.

73. Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: монография. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 223 с.
74. Пионтковский А.А. Субъективная сторона состава преступления // Уголовное право. Общая часть: учебник. – М., 1938. – 408 с.
75. Питулько К.В., Коряковцев В.В. Уголовное право. Особенная часть. – СПб., 2010. – 256 с.
76. Плешаков А.М., Шкабин Г.С. «Коллизия жизней» при крайней необходимости и проблемы уголовной ответственности // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 64–71.
77. Побегайло Э. О пределах необходимой обороны // Уголовное право. – 2008. – № 2. – С. 69–74.
78. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 132–135.
79. Побегайло Э.Ф. Преступления против жизни // Уголовное право России: учебник для вузов. В. 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. – М., 2000. – 816 с.
80. Побегайло Э.Ф. Проблемы необходимой обороны // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики: сб. очерков / под ред. В.В. Лунеева. – М., 2010. – 779 с.
81. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права: Общая часть уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. М.: А.А. Карцев, 1912. – 668 с.
82. Право на необходимую оборону (обзор судебной практики) // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1983. – № 3. – С. 16–23.
83. Рарог А.И. Вина и квалификация преступлений. – М., 2001. – 316 с.
84. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – СПб., 2003. – 304 с.
85. Рарог А.И. Общая теория вины. – М., 1980. – 91 с.
86. Рарог А.И. Субъективная сторона преступления // Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005. – 552 с.
87. Сельский А.В. Бланкетные нормы в уголовном законодательстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 22 с.
88. Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. – 2010. – № 9. – С. 16–18.
89. Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. – СПб., 2005. – 281 с.
90. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Тула, 2001. – 800 – с.с.
91. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: в 2 т. Том 1. – М., 1994. – 380 с.
92. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. Иншакова. М.: Юнити-Дана, 2011. – 839 с.
93. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. – М., 1929. – 511 с.
94. Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. – М., 1946. – 364 с.
95. Турецкий Н.Н. Необходимая оборона. Причинение вреда при задержании лица, совершившего посягательство. – Алматы, 2003. – 213 с.

96. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г.Л. Кас-торского, А.И. Чучаева. – СПб., 2009. – 754 с.
97. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012. – 784 с.
98. Уголовное право ФРГ: учебник. 35-е изд., с доп. и изм. / Й. Вессельс, В. Бойкле / под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск, 2006. – 297 с.
99. Уголовное право. Общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. – М., 2011. – 864 с.
100. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. Е.В. Серегина. – М.: Юрайт-Издат, 2012. – 590 с.
101. Уголовный кодекс Российской Федерации: науч.-практ. коммента-рий / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 1998. – 910 с.
102. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. – Харьков, 1989. – 104 с.
103. Цуканов Н.Н. О соотношении норм закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, специ-альные средства и огнестрельное оружие // Административное право и процесс. – 2012. – №3. – С. 68–71.
104. Шишов О.Ф. Преступления против жизни и здоровья // коммента-рий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Арендаренко и др. – М., 1997. – 706 с.
105. Энциклопедия уголовного права. – СПб., 2005. – 522 с.
106. Энциклопедия уголовного права: Обстоятельства, исключющие преступность деяния. Т. 7 / Блинников В. А., Милюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. и др.; отв. ред. Малинин В.Б. 2-е изд. – СПб.: Изд. проф. Малинина, 2014. – 778 с.
107. Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. – М., 1976. – 80 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Никуленко Андрей Вячеславович
кандидат юридических наук, доцент

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ
ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Научно-практическое пособие

Редактор *Сви́кша Н.О.*
Компьютерная верстка *Сви́кша Н.О.*

ISBN 978-5-91837-078-0

Подписано в печать 04.06.2018. Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать цифровая. Объем 5,5 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 9/18

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1